

Счастье на ладони

Душевные истории
о самом важном

Ольга Брюс

АВТОР ПОПУЛЯРНОГО КАНАЛА
С БОЛЕЕ 130 ТЫС. ЧИТАТЕЛЕЙ!

КНИГИ
ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Ольга Брюс
Счастье на ладони. Душевные
истории о самом важном
Серия «Книги для счастья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69939175

Счастье на ладони. Душевные истории о самом важном:

Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-159524-1

Аннотация

Что вы представляете, когда речь заходит об уюте? Может быть, чашку чая или осенний парк? В книге «Счастье на ладони. Душевные истории о самом важном» собраны удивительные рассказы о том, что касается каждого из нас, – любви, доброте и чуде. Городские зарисовки, первая любовь, дружба – каждый читатель найдет свой уют.

Ольга Брюс – автор популярного блога на Дзене, чьи истории вселили любовь и радость уже в тысячи сердец! Входит в топ-20 самых популярных авторов Дзена!

Содержание

Партнерские роды	5
Фикус	13
Разочарование	19
И зачем это	24
Спасибо, Сань!	30
Никитична	47
Похороны	49
Сюрприз от тещи	56
Ключ от счастья	63
В рубашке родился	73
Макаренко	77
Запутанные отношения	82
Одно и то же	85
Зубоскалые	89
День влюбленных	92
Бревно	100
Агриша	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ольга Брюс
Счастье на ладони.
Душевные истории
о самом важном

© Ольга Брюс, текст, 2023.

© ООО «Издательство АСТ», 2023.

* * *

Партнерские роды

Странные и немного грустные размышления роились в чудесной белокурой головке Анечки, пациентки палаты гинекологического отделения, в которой лежали такие же, как она: очаровательные пузатики на сохранении.

За неимением других развлечений девушки с утра до ночи (прерываясь на «покушать, поспать и снова покушать») вели разговоры о родах. Каждая, начитавшись в интернете всякой ерунды, представляла и планировала процесс по-своему. Кто-то хотел роды в воде, кто-то ратовал за экологичные домашние роды с доулой (при этом прекрасно проводя время в неэкологичной больнице). Анечка слушала их и не смела возразить или озвучить свою мечту – партнерские роды. Она представляла, как прекрасно все пройдет. Любимый муж будет держать ее за руку в самый трогательный и важный момент их жизни. Дитя родится в атмосфере абсолютной любви и счастья, а новоявленный отец перережет младенцу пуповину. Мечты были столь идеальны, что Анечка, не сомневаясь ни минуты, подписала договор на партнерские роды с платной клиникой и указала все пункты, которые считала важными, включая перерезание пуповины отцом.

Муж, естественно, ничего о ее планах не знал. В его представлении роды – процесс, который он ни при каких условиях не должен видеть. Все, что он должен, – хорошо «обмыть»

это событие, чтобы потом три дня приходиться в себя и воскреснуть ко дню выписки.

– Анют, а ты что молчишь? Как рожать будешь?

– Да... как все! – Анечка не хотела делиться с беременяшками своими планами, чтобы идею не украли и не «ломанулись рожать с мужьями», как сказала она лучшей подружке, не рожавшей Машеньке, которая твердо поддержала ее в планах рожать с мужем.

– Ну это понятно. Но может, есть какие-то особенные планы?

– Нет, главное – родить здоровенького, – Анечка успела выучить эту фразу.

– Девчонки, да она на парные роды собралась! – выпалила соседка Анечки по кровати. – Я сама слышала, как она по телефону разговаривала.

Тон соседки не был осуждающим. Скорее, снисходительным. Таким говорят с детьми... или взрослыми, с недостатком ума.

Анечка быстро уловила эту нотку снисхождения и не позволила ей распространиться на всю палату.

– Да! Я хочу рожать с мужем! И что такого?

Палата, сплошь заполненная опытными мамашками, притихла. Никто не хотел брать на себя роль гонца с плохими новостями и разочаровывать «первородку».

Наконец, та самая соседка по кровати взяла слово.

– Анют, как бы тебе это сказать... мужикам на родах не

место. Там нет ничего красивого или интересного.

– Как это? Это же наш ребенок, плод нашей большой любви!

– Вот потому и не место! Дите появляется в криках и столах, иногда в некоторых неожиданностях (на этом моменте несколько девчонок хмыкнули со знанием дела – вспомнили прошлые роды), от которых муж твой, скажем так, будет слегка шокирован.

– Но он любит меня и будет поддерживать, за руку держать, – выкатывая изумленные глаза, Аня удивлялась глупости соседки.

– Ага, пока ты ему ее не оторвешь или он под «рахмановку» не упадет.

– Девочки, я что-то спать хочу, – Анечка не хотела продолжать этот разговор. Она знала, у них с мужем все будет красиво и как надо.

Аня, едва вернувшись домой, приступила к подготовке мужа.

– Зайчик, у меня для тебя отличная новость!

– Какая, ягодка моя? – Денис уже подготовился бежать за селедкой с фейхоа или дурианом с карасем.

– Я договорилась с роддомом о парных родах!

– Малыш, а это не опасно? Может, лучше одна там будешь? Вдруг вторая роженица какая-нибудь заразная окажется?

– Какая вторая роженица?

– Ну ты сама сказала: парные роды. Это ж когда сразу по двое рожают в одной палате?

– Нет! Это когда рожают с мужем!

– С чьим мужем? – Денис начал молиться, чтоб слух его подвел.

– С тобой, дурачок! Я хочу, чтобы плод нашей любви при появлении на свет первым увидел отца!

– А может, пусть он врача увидит! Тот лучше все знает! А я что, я ж даже крови боюсь.

– Ну какая там кровь, откуда? Малыш выйдет естественным путем, все будет хорошо, мы же готовимся!

Оказалось, Анечка имела весьма скромные представления о физиологии родов, поэтому уверенно уговаривала Дениса, который начал терять сознание уже на этапе разговора.

– Ну, зайныка! Ну давай я под окнами стоять буду в мороз, но внутрь не пойду! Я боюсь!

– Нечего бояться! Я же не боюсь! Мы вместе будем. Мне нужна будет твоя поддержка.

Денис решил согласиться, а потом, во время волнительного процесса, просто исчезнуть в самый важный момент. Отговаривать жену было так же бессмысленно, как отговаривать есть грибы с клубникой, которыми ее рвало до утра.

Прошло три месяца, и однажды ночью Анечка разбудила его решительным «началось!».

Денис понял: надо искать пути отступления. Не показывая вида и поддерживая разговор, он вызвал такси в роддом.

В больнице он взял жену за руку, чтоб успокоить. Отпустит она его руку только через несколько часов, но он об этом узнает значительно позже...

Все тяготы оформления при поступлении в роддом они прошли вместе и быстро. Анечка лишь немного сжимала пальцы любимого на схватках, а он пытался приободрить ее. Дальше дело пошло веселее и интереснее. После первичного осмотра на кушетке врач сказал:

– Ну что, дорогие мои, мы рожаем. Восемь пальцев, дело идет хорошо, через пару часов родим.

«Через пару часов» наступило на следующий день. До этого события Денис считал не только минуты, но и секунды.

Анечку перевели в родовую и усадили на кресло. Сначала она плакала, потом начала стонать, а потом – орать так, что Денис решил, будто его смерть пришла.

– Боже мой, как же больно! Это ты, собака лохматая, виноват! Ты ко мне вообще больше никогда не подойдешь! Я на тебя трусы надену чугунные и замок повешу!

– Анечка, родная, отпусти руку. Ты мне ее ломаешь сейчас!

– Я тебе сейчас все кости переломаяю! Чтобы ты понял, каково это – рожать человека!

– Анечка, я за водичкой сбегая... – Денис попытался вытащить руку из железных клещей, в которые превратились ее нежные пальчики.

– Я тебе сбегая! Стоять и смотреть! – изморенная девуш-

ка так вцепилась в руку мужа, что ему показалось, будто с руки содрали кожу и мясо.

– Так, перестали ругаться! Головка идет! – акушерка приготовилась принимать дитя.

Услышав, что момент близок, Денис внезапно напрягся и тут же обмяк, распластавшись на полу родовой. Руку его при этом Анечка не выпустила.

– Что ж за мужик пошел жидкий! – сказала акушерка, одним движением подняв Дениса на ноги за шиворот.

Едва открыв глаза, Денис услышал, как закричала жена, и снова упал. Процедура падений и подъемов повторялась еще четырежды, после чего врачи решили вывести (читай вынести) его в коридор. Жена не пустила. Увидев лицо мужа, перекошенное от ужаса, она начала хохотать, тем самым протолкнув ребенка вперед. Схватки стали терпимее, и она ждала, когда настанет наконец момент единения и абсолютной любви вокруг новорожденного... Но врач прервал буйные фантазии роженицы:

– Родились ручки!

Денис снова оказался на полу, раскинув руки и выкатив язык. Поднимать его взялся врач, так как акушерка направляла малыша. Поднимаясь, Денис увидел, ОТКУДА родились головка и ручки, после чего схватил подлокотник кресла, чтобы снова не упасть. Но не рассчитал силы и вырвал его «с мясом» – болтами и гвоздями. Пытаясь поставить кусок кресла назад, Денис неловко развернулся и со всей силы

огрел деревяшкой по голове акушерку, которая принимала ребенка. От ужаса и испуга Денис снова рухнул. Пока счастливого папашу поднимали, малыш родился, а раненая акушерка, помня про условия договора, повернулась к Денису с ножницами и петлей от пуповины, которую «счастливчику» предстояло перерезать.

– Ну что, папаша, давай бери ножницы! Режь!

Увидев в ее руках пульсирующий голубоватый шланг, Денис вспомнил все фантастические фильмы и ужастики, которые смотрел в детстве. Избыток впечатлений и воспоминаний подкатил к горлу... и вышел наружу, облив содержимым его желудка всех и все вокруг!

После этого он снова прогрел собой холодный кафель родовой. Но никто не стал поднимать его, переключившись на свою работу.

Момент выписки Денис помнил плохо. Первые месяцы после родов – тоже. Мало спал, скудно ел, путался под ногами у жены и тещи, которые не подпускали его к ребенку и вообще относились к нему как к мусору за его малодушие во время ответственного момента – во время родов любимой жены.

Прошло три месяца. Аня решила, что восстановилась после родов и пора обрадовать мужа вечером вдвоем. Мама дала им пару часов, забрав к себе внучку.

Анечка приготовила шикарный ужин, надела потрясающее белье и села ждать.

Денис пришел вечером. Отказался от некогда любимой отбивной, так как она напомнила ему пуповину (больше мясо он никогда в жизни не ел). А потом отказался и от жены со словами:

– Я видел, откуда Машенька появилась! Там теперь у тебя тоннель размером с ведро! Я не хочу!

– Ты с ума сошел! Я восстановилась полностью. И ТАМ тоже!

– Ну нет! Я все видел! Проверять не буду...

Спустя полгода они расстались. А еще через полгода, после курса консультаций психолога, Денис вернулся домой к жене и ребенку. На второго малыша они так и не решились.

Фикус

– Фикус, фикус в комнатенку поставить надо. А еще лучше – кактус. Тебе дите заиметь пора, а ты все хорохоришься.

– Кактус предназначен для целомудрия, а фикус – для зачатия. В чем соль?

– Соль в спальню нельзя, иначе быть скандалам. Ты лучше сахарку под подушку присыпь.

– Ага, а еще топор под матрас.

– Не-е, топор – опасно, а вот если б у нас ружжо было...

– А еще лучше – автомат.

– Ты откуда это взяла? Это по-новому или по-старому?

– По-настоящему.

– И что, у кого-то сладилось?

– Ты про что?

– Про зачатие.

– Бабуль, я с твоими приметами только от святого духа залететь могу. Какой нафиг фикус? Я ж не замужем.

– Э-э, в том-то и беда твоя, что ты бесконечным выбором занялась. А у нас как было. Пришел мой будущий супруг к моему батьке, а он на крылечке трубку раскуривает. Сел, значит, Платон рядышком, махорочку из кармана – шарсь! И моему отцу предлагает. Батька глазами черными на него зырьк, усом махровым поводитил – поводитил и спрашивает: «Зачем явился?»

А Платон ему:

– У нас купец, у вас товар.

А батька:

– И кого за кого ж ты сватать пришел? Неужто Зойку за Ваську?

– Не, – говорит Платон, – за себя.

Батька подумал-подумал и затянулся, но надо бы сказать, что махорку ту, что ухажер принес, в руки не взял. Сидит, значит, курит, из-под кепки на курей гулящих зыркает. А Платончик переживает. Если ж откажут, то свадьбы не бывать. Ой, а Платон был первым красавцем на деревне! Все девки за им ухлестывали. Каждая перед им юбкой натрясывает – это когда пред баяном пляски устраивали – каждая губы свеклиной мажет, бровь – угольком, передок мылом хозяйским...

– Бабуль!

– А, ну да. Значит, все своими выпуклостями потрясли, а он возьми и выбери меня.

– А ты что, плоская была?

– Я? С чего это? В нашем роде все как на подбор. Груды – во! Жо...

– Баб, ну хватит уже.

– Молчу, молчу... Так вот. Приду, говорит, свататься. Когда твоего батьку в хате застать? А я ему хи-хи да ха-ха, батька мой ни в жись благословения отцовского не даст.

– Давай опустим подробности. Я их уже раз сто слышала.

Мне твоя свадьба ночами снится.

– Если б сто, то стала бы ученой, а ты все ждешь принца на вкусном коне.

– Чего? Как это?

– А что? Конь – это такая живность.

– Ой, ладно, все. Помню я ваши традиции, обряды. Так что там у вас со свадьбой-то?

– А ничего. Ты, говоришь, во сне видала, а я до сих ее не помню.

– Как это?

– А вот так. То ли была, то ли привиделася, но как только мы с моим Платошенькой бабкиной самогонки хлопнули, у меня такая круговерть в мозгу образовалась, что я ... только небо звездное помню и крик утрешнего петуха.

– А-а-а.

– Ага. А потом у нас Лешка родился, а за им – Федька, опосля – батька твой вместе с Нинкой.

– А свадьба?

– А что свадьба. Выяснилось, что и без свадьбы Платоша мой моет, как... Ох, если б не фикус, чтоб свинья его съела, я бы не плодилась каждый год по зиме. Знаешь, как обидно, когда все Новый год празднуют, а ты ноги за уши и крятишь, как поросю на вертеле.

– Взяла бы и выбросила свой фикус.

– Дык припрятала так, что до сих пор вспомнить не могу. Всю подушку, каждое перышко перебрала, да в подпол

заглядывала. Ой, как вспомню! Лезу я, значит, в подпол, а там крыс – видимо-невидимо...

– А фикус-то где взяла? Их же в то время можно было только у богатых найти.

– А я в молодости, когда еще в одной семье работала, тайком отросток выдрала и засушила. А потом та семья укатила из нашего села в неизвестном направлении.

– Это ты их изгнала (гы-гы).

– Я? Да? А что, все может быть. У меня глаз дурной, цепкий, за всякую пакость хваткий. Вот как гляну в упор – сразу тому плохо делается.

– Баб, давай уже обои доклеим, и поеду я. Мне завтра с утра пораньше на совещание...

– Опять двадцать пять. Совещание у нее. Тебе уже сорок скоро, а ты все в девках.

– Да не в девках. И не сорок, а тридцать шесть послезавтра.

– Во-во, а детей нема.

– Да зачем они мне? У меня планы, карьерный рост.

– Вот пусть он, этот росток, и даст тебе семя.

– Баб, ты не так поняла.

– Да все так. Так я поняла, Зоюшка.

– Зойка – это ты, а я Лена.

– А-а, ну да, ну да. Сейчас вот мы с тобой обойки-то поклеим, перины взобьем, а на свой день рождения ты приедешь и ухажера своего ко мне на смотрины привезешь.

– Зачем это?

– А затем, чтобы я своим цепким глазом...

– А-а, точно, я забыла.

– Ну вот. Сама знаешь, что бабка твоя плохого не посоветует. Ты, надеюсь, покрепче выбрала, поплечистей? Надо, чтобы у него нос длинный был.

– Для чего это?

– А с коротким детей делать не умеют.

– Если ты сейчас не прекратишь, то я больше сюда не приеду.

– Ладно, рви обоину, а я сейчас клей разведу.

– Баб, а что это?

– Где?

– А вот, за доской. Торчит что-то. Ой, какой интересный мешочек.

– Дай сюда и не трогай. Он заговоренный.

– На богатство?

– А как же. Я его семьдесят лет назад заговорила и теперь дюже боХата. И Алешкой, и Федькой, и... Ты не отвлекайся, а я пойду перепрячу. Это реликвия семейная и глядеть на нее запрещается.

Баба Зоя вышла в сени, плотно прикрыла дверь и встала рядом с курткой внучки, висевшей на гвоздике. Вынула из кармана халата маникюрные ножницы, вспорола подкладку и подложила сушеный листочек, что за доской был найден.

– Хошь, не хошь, а фикус в доме должен быть. Я что, зря

его и мамке твоей подкладывала? Вон, она вас четверых на-
родила. А теперь твоя очередь, внученька. Ну, не подведи,
родимый. Авось и до праправнуков дотяну.

Разочарование

Каждый день, проходя через двор, Серафим Алексеевич издалека засматривается на окна квартиры этажом выше, пытаюсь разглядеть ее силуэт. Они знакомы с юности, но настоящие чувства он начал испытывать совсем недавно. Оба побывали в браке, у обоих выросли дети и оба были в разводе. Не раз Серафим Алексеевич представлял ее в своих объятиях. Не раз разговаривал сам с собой о литературе и музыке, что-то доказывая ей. Мечтал, как они вдвоем уедут на острова, затерянные в океане, и никто в этом мире не будет им нужен.

А пока, они встречались на лестничной площадке, здоровались и расходились. Иногда утром им было по пути на работу: ему – к студентам в университет, а ей тоже куда-то, куда он никак не мог узнать. Вечерами у нее в квартире звучал Шопен, а он читал для нее стихи, которые она не слышала.

В тот вечер они встретились взглядами, когда она посмотрела вниз, а он, возвращаясь после занятий, подходил к подъезду. Поймав ее улыбку, сердце Серафима Алексеевича забилося в нежном трепете и миллионы колючек одновременно вонзились в него.

Она жестом пригласила его подняться, и он буквально взлетел на этаж. Не успев нажать на звонок, Серафим Алексеевич оказался перед открытой дверью.

– Добрый вечер! Вы не составите компанию? Я купила новый чай, хочу услышать ваше мнение, – сказала она, приглашая в квартиру.

– Здравствуйте, Варвара Петровна! С удовольствием. Но я не специалист в области чая.

– Ну и хорошо, что не специалист, нас, в медицинском, чай дегустировать тоже не обучали.

Серафим Алексеевич шел за Варварой Петровной через холл и комнату на кухню и ловил каждое движение. Несмотря на возраст, Варвара Петровна была высокой, стройной и необычайно привлекательной. Ее аристократические черты лица и живые зеленые глаза пленили. На нее хотелось смотреть открыто, не украдкой. Хотелось быть рядом, как книга, чашка или зеркало.

Хозяйка поставила на стол заварной чайник и залила его кипятком. Он обратил внимание на ее кисти рук: было заметно, что она много работает пальцами, поэтому ногти были без наращенного маникюра – это приводило мужчину в восхищение.

«Сколько лет знакомы, а я так и не знаю, кем она работает», – подумал Серафим Алексеевич.

– Как дела в университете? Слышала, что студенты нынче не те, что раньше. Без интернета двух слов связать не могут. Трудно сейчас преподавать? – завела разговор Варвара Петровна.

– Нет. Но, бывает, устаешь от бюрократии.

Она села напротив, и их взгляды встретились. Несколько минут они молчали, как будто искали общую тему. В итоге Серафим Алексеевич прервал паузу.

– Устали? – неожиданно спросил он.

– Да. Сегодня на экспертизу привезли труп мужчины. После морозильника он оттаял, но был чрезвычайно холодным. Стальной скальпель быстро передает холод, и пальцы коченеют. Плюс он страдал ожирением, пока добралась до последствий травм, пришлось полдня повозиться, – с этими словами Варвара Петровна обхватила ладонями заварной чайник, как будто согревая руки.

Серафим Алексеевич сопоставил, как эти нежные руки только что разделявали труп, а теперь прикасаются к посуде, из которой придется пить чай, – и ему стало не по себе.

– Вот, еще и домой работу приходится брать, – Варвара Петровна указала на три колбы с желтой жидкостью разной степени мутности.

– Что это? – спросил Серафим Алексеевич.

– Анализ мочи подозреваемых.

На этих словах у мужчины перехватило дыхание.

«Кем же можно так работать?» – думал преподаватель университета.

– А еще, я подрабатываю в кожно-венерологическом диспансере, – продолжала Варвара Петровна.

– И что, хо-хорошо платят? – заикаясь, спросил мужчина.

– Очень хорошо. Но иногда приходится проконсультиро-

вать несколько десятков человек в день. Вы себя плохо чувствуете? – забеспокоилась хозяйка дома, глядя на гостя.

Серафим Алексеевич расстегнул ворот рубашки. Он представил себе Варвару Петровну, склонившуюся над бездыханным телом со скальпелем в руке, в окружении сомнительных особ с анализом мочи и очередью из дам легкого поведения перед кабинетом. От этой картины ему стало плохо.

Варвара Петровна налила чай и поставила перед гостем, затем достала из тумбочки баночку варенья и предложила отведать.

Серафим Алексеевич отхлебнул чай и съел ложечку варенья.

– Спасибо за гостеприимство. Уже поздно. Мне пора, – с этими словами, спотыкаясь, мужчина добрался до прихожей.

Прощаясь, Варвара Петровна вручила гостю визитку.

– Если понадобится помощь, обращайтесь.

«Жулина Варвара Петровна. Эксперт-криминалист лаборатории судебно-медицинской экспертизы», – прочитал он.

– С-спасибо, – еле выговорил он и вышел на лестничную площадку.

Серафим Алексеевич спускался к себе на этаж, разговаривая сам с собой. Неделю ему снилась еще недавно желанная Варвара Петровна, склонившаяся над ним со скальпелем в руках.

– Где будем делать вскрытие? – спрашивала она.

А он с криком «А-А-А-А!!!» плыл на плоту к затерянному

в океане острову, где его никто не найдет.

И зачем это

– Роллы она заказывает. А самой приготовить не судьба? Неизвестно, что туда положили, а ты этим сына моего кормишь, – Валентина Степановна пришла в гости ни свет ни заря проверять, как я веду домашнее хозяйство.

Перед ее длинным носом я приняла заказ и отпустила курьера, заплатив наличными. Свекровь видела, сколько купюр я отдала, и не смогла промолчать.

– Я бы на эти деньги всех соседей смогла накормить, а ты вот так легко расстаешься с заработанными моим сыночком. И не стыдно сидеть на шее?

– Вообще-то я в декрете, – поставив на стол коробки, я включила электрический чайник.

– И сколько ж за энергию платить? Газ для чего проведен, для тепла? А за отопление?

– Не переживайте. Совсем немного, – я решила угостить ее чаем, который мне привезла подруга из-за границы, и разложила чайные пакетики в чашки.

– А заварник зачем я вам на свадьбу дарила, чтобы он пылился за стеклом? – Валентина Степановна села на стул. – А где скатерть, что я передавала с Костиком? И что за мода стелить коврики на стол? – потыкала пальцем в силиконовую салфетку.

– Это чтобы ставить горячее и не портить столешницу, –

поставив перед ней чашку, я достала сахарницу.

– А это что? – вытаращив глаза на коробки со смесью, которые стояли в ряд на полке, она злобно ухмыльнулась. – Кормить ребенка искусственным молоком? Да у тебя сердца нет. Ты не мать!

– Помнится, вы этим же молоком Костика выкормили, – напомнив ей, я села напротив.

– А чем это воняет? – свекровь опустила голову над чашкой и принялась. – Ты что мне подсунула?

– Китайский чай.

– Чего? Откуда? А что, у нас русского не продают?

– Индийский, но мы с Костиком любим и китайский.

– Совсем с ума посходили! Фу! Дышать невозможно! Ты знаешь, чем эти китайцы питаются? Запах такой, как будто сюда собачьей шерсти насыпали! Убери эту гадость и дай мне воды!

Я встала, открыла нижнюю полку и вытащила пятилитровый бутыль с водой.

– А это еще что такое? – глаза Валентины Степановны вот-вот лопнут. – Покупная?

– Да. Самая чистая. Мы ее Славику даем и сами пьем.

– С каких это пор? Да мы! Мы! Из колодца самую чистую набирали, когда к бабушке на лето приезжали! Чище не бывает!

– Считайте, что эта тоже из колодца. Открывать? – я смотрела на нее и еле сдерживала смех, чтобы не разозлить еще

пуще.

– Ну я с Костиком поговорю. Тратить деньги на воду?! Это ж какими расточительными надо быть? Так, – легонько стукнув по столу, свекровь поднялась и подошла к окошку, – герань неухоженная, совсем засохла. У меня цветы десятилетиями стоят, а у тебя и двух лет не живут.

– С чего вы взяли? Этот цветок мне соседка дала.

– А где мой? Тот, который я на ваше новоселье принесла?

– Высох.

– Вот видишь, какая ты неряха. У тебя даже цветы сохнут. Скоро и мой Костечка засохнет с такой едой и расточительством. Воду они покупают. Могли бы и фильтр поставить.

– Стоит, смотрите, – открываю дверь под мойкой и показываю фильтр новой модели.

– И что это? – она наклонилась, чтобы лучше видеть.

– Система фильтрации...

– Что за ерунда? В наше время была специальная насадка, а это что? И деньжищ, наверное, стоит...

– Сто тысяч, – выпалила я, специально, чтобы позлить.

– О божечки мои! – замахала руками Степановна и чуть не упала в обморок. – Сколько? Сто? Ой, люди добрые, что делается! Она ж моего сыночка по миру пустить хочет!

– А еще мы посудомойку купили, – и меня понесло в разнос. – Вот.

Откидываю дверцу встроенной мойки и показываю трехпалубную мачту.

– И зачем это? – захрипела свекровь, краснея, как бурак.

– Как зачем? Чтобы маникюр не портить, – сую ей в лицо недавно наращенные ноготки с наклеенными стразами.

– И к чему это? – свекровь медленно нащупывает стул и усаживает на него свое колыхающееся от нервов тело.

– А чтобы Костечке спину чесать, – съязвила я и специально открыла кухонный пенал.

– А там что? – голос мамы мужа провалился за грудину и вещал уже оттуда, выкарабкиваясь из раздувшихся легких.

– А там у нас электрическая мясорубка, миксер, мультиварка, йогуртница, а это, – отодвинув мультиварку, я выдвинула ма-аленькую вещицу, – а это подогреватель детских бутылочек.

– Подогреватель? А? – прислонившись спиной к стене, свекровь икнула два раза и вытерла испарину на лбу. – Мы в свое время ночами не спали. Ребенок орет, а ты встаешь и идешь греть на газу, в воде и ковшике. Никаких электрических приборов не было, все ручками, ручками, – покосившись на меня прищуренным глазом, она положила руки на колени и хлопнула в ладоши, озвучивая то, что я ждала последние пятнадцать минут. – Ах ты ж, лентяйка, – ее голова трепалась из стороны в сторону, чтобы придать позорных ноток моему «лентяйству», – в доме не метено, полы не помыты, а она сидит тут и чай с собаками распивает.

– Ну почему же, моющий пылесос – лучший помощник.

– Какой пылесос?

– Моющий. Набрал воды и вперед.

– И сколько раз за день моешь?

– Один, а там уже робот-пылесос справляется.

– Какой робот?

– А вот он, сюда бежит собачью шерсть засасывать.

Круглый работяга с мелким шумом прикатил в кухню и встал перед ошарашенной свекровью. Покрутился на месте, пару раз стукнулся о ее от страха загнутые внутрь пальцы и оббежал кухню, заглянув в легкодоступные места. Вновь приполз к свекрови, поморгал датчиком и укатил на базу – заряжаться.

– Он меня сглазил, – застонала Степановна, положив руку на сердце в районе живота. – Ой, я сейчас помру.

– Чтобы полегчало, выпейте чаю, он уже остыл, – моему ехидству можно только позавидовать. Валентина Степановна не в первый раз приходит, но раньше она не цеплялась ко мне так придирчиво. И про цветок знает, и про заварник. Но сегодня, видимо, особенный день, а возможно и праздник под названием «Проконтролируй невестку, и тебе на том свете воздастся».

– Иди ты со своим чаем, – глаза свекрови заблестели от нахлынувших слез. – Мне Костечка про стиралку говорил, мол, в ремонт сдали...

– Уже новую купили. Она и стирает, и сушит.

– Где сушит?

– В себе. Пойдемте покажу.

– Спасибо, не надо, – Степановна встала, сделала два шага в сторону прихожей, задержалась у ванной и все-таки заглянула за дверь. – Стоит, – убедилась в наличии стиральной машины и пошла к себе домой. Видимо, плакать от зависти.

Вечером ко мне пришла подруга и отблагодарила за сохранность ее бытовой техники бутылочкой красного вина.

– Через двадцать минут грузчик приедет, а завтра жду на новоселье. Наконец-то я купила отдельную квартиру подальше от родителей! – ликовала она.

Ближе к ночи с работы вернулся Костик, сел на диван и уставился в телевизор. По его отрешенному взгляду я поняла: что-то случилось из ряда вон выходящее.

– Мать совсем головой тронулась, – переключив на другой канал, он выдохнул через нос и уставился на меня. – Требуется посудомойка и какой-то ходячий пылесборник. Что за сборник, я так и не понял, но судя по описанию, она хочет завести в доме мохнатую собаку. А я как раз у подъезда объявление видел: «Отдам пятилетнего комондора в хорошие руки по семейным обстоятельствам». Утром заберу пса и отвезу маме. Вот она обрадуется!

Спасибо, Сань!

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – „Сокольники“».

– На следующей выходите? – протискивался я сквозь плотную толпу пассажиров, стараясь быть вежливым и тактичным.

Душно, шумно, народу – не протолкнуться. Бабульки с тележками, ворчащие на всех и на все, заспанные лица, пытающиеся прочухаться после выходных. Да я и сам такой же: несвежий и помятый. Ничего не поделаешь, сам виноват: проспал, как студент после пьяной вечеринки. Сосед подбросить не смог – приболел бедолага. Денег на такси, как всегда, нет – пришлось бежать к метро. Это ж сколько лет я не спускался на эскалаторе и не вдыхал теплого подземного воздуха вперемешку с разнообразными колоритными запахами? С институтских времен, наверное. М-да, прекрасное время было. Есть что вспомнить. Бежали с ребятами наперегонки, запрыгивая на резиновые перила и дразня тем самым сотрудников метрополитена. Нас ругали, грозили пальцем, но поймать так и не смогли. Весело было, а главное – нестрашно. Безбашенные, молодые, дерзкие: перелетали через ступеньки, носились из вагона в вагон, пели песни в полночь, нарушая тишину опустевших станций. В ту пору мне было девятнадцать. Полон сил и идей. Думал, сверну горы:

закончу институт, устроюсь на престижную высокооплачиваемую работу, стану директором лет через пять... Начну ездить по Европе, приобрету крутой автомобиль и двухуровневые апартаменты... Не сложилось. А сейчас у меня сорок с хвостиком за плечами и кучка седых волос на затылке. Работенка так себе – ведущий специалист, квартира – сталинка, досталась в наследство от любимой бабушки, машины нет, как и просвета в счастливое будущее, и за границей ни разу не был. Боюсь летать на самолетах, как выяснилось. Ладно, не буду себя оправдывать, денег нет – вот и вся причина. М-да, жизнь удалась. Одинок и бесперспективен. Друзей по пальцам сосчитать. Хотя, чего их считать. Сашка – вот и вся дружба.

– Мужчина, осторожно, – молодая женщина, сидевшая у выхода, спрятала ноги под выступающий край сиденья. – Смотрите под ноги.

– Простите, – извинился я, сделав шаг вперед.

Незнакомка улыбнулась через силу и отвернула в сторону свой симпатичный вздернутый носик. Присмотревшись в славянский профиль, отметил, какая же она хорошенькая: узкий лоб прикрывает рыжая челка, подмокшая благодаря утреннему снегу, розовые скулы, упревшие от спертого воздуха, и алые пухленькие губы, напоминающие своим видом бархат. И всю эту красоту увенчала темная родинка над верхней губой, похожая на мушку, которую рисовали знатные дамы в царские времена. Куколка, суцая куколка. Ин-

тересно, откуда и куда ты едешь? Взглянув по привычке на часы, понял – на работу, куда же еще? Разглядывая мило-видную внешность и верхнюю одежду красавицы, я начал рассуждать, какую должность занимает эта прекрасная леди. С виду ничего необычного: серый пуховик, прикрывающий ноги почти до колен, вязаная шапочка цвета фуксии, кожаные высокие сапоги с острыми мысами. Замужем? Неизвестно. Руки спрятаны в перчатки такого же цвета, как и шапочка. Ох, я представил, насколько ее пальцы тонки и изящны. Пианистка, не иначе. Или скрипачка, а может, и вовсе директор какой-нибудь маленькой компании. Мало ли, сейчас даже директора одеваются как обыкновенные трудяги, получающие среднюю зарплату. Не в одежке дело, а в уме, как говорил мой начальник. Да, в уме, но мой ум так и не замечен... Что-то я отвлекся. Ну что ж, продолжим гадать. Судя по тому, что дама сидит, – едет с конечной станции. А может, ей место уступили или... Точно, уступили. Челка же мокрая, значит, вошла в поезд остановки две-три назад. И перчатки не сняла. Ай да я! Вот это Шерлок Холмс! Никогда не отличался развязыванием логической цепочки, а тут! Да мне надо было на следователя учиться, а не прозябать на инженерном. О чем раньше думал... Ух, отмотать бы ленту времени и окунуться в молодость. Беззаботная жизнь пролетела как фанера над Парижем, не оставляя за собой даже осколка шанса. Найти бы тот осколок, подобрать и загадать желание. Мысленно прохожу мимо храма Тихона Задонско-

го и натыкаюсь на обломок шифера. Поднимаю и загадываю желание: хочу оказаться в парке Культуры в кругу двадцатилетних друзей и... и... О боже, почему так жарко? Чувствую, как по спине потекли капельки холодного пота, впитываясь в хлопчатобумажную рубашку и оставляя зудящий след между лопатками. Фу, как неприятно, и не почесаться даже. Вспотел, как пить дать вспотел. Отлично! Замечательно! А все от чего? Оттого что перед глазами всплыл образ той девчонки? Ну и что? Мало ли таких встречал на своем пути? Схватившись за поручень от резкого торможения поезда, вновь услышал знакомое:

– Мужчина, осторожно!

Пробудившись от воспоминаний заплесневелой давности, оборачиваюсь – снова она. Миловидная и строгая. Какое захватывающее сочетание. Как же ей идет быть такой привередливой. Нахмурившиеся бровки несколько не портят этот прелестный и в то же время не улыбочивый взгляд.

– Вы мне на ногу наступили, – недовольный голос пробился сквозь звук тяжелых колес, сдерживающих парад вагонов.

– Еще раз прошу прощения, – улыбаться или нет, я так и не решил.

Выходя из вагона, ощутил на себе толчки и спотыкания суетливых пассажиров, торопившихся на эскалатор.

– Ну вот, оторвали пуговицу от рукава, – громко сказал я, рассматривая черный огрызок, выглядывающий из-под шерстяной ткани пальто. – Где ж теперь найти такую...

– Дайте пройти, чего встали?! – услышал я за спиной.

– Вы меня преследуете? – покосившись на незнакомку из вагона, почувствовал прилив негатива.

– Больно надо, – обходя вокруг, огрызнулась женщина и поправила подсохшую слипшуюся челку. – Вы как будто впервые в метро.

– А что, заметно? – я был удивлен наблюдательностью.

– Еще как, – дама торопилась к «живой» лестнице.

– Никогда бы не подумал, – не отставал я, огибая препятствие из людей. – А можно с вами познакомиться?

– Извините, но я спешу, – сказала как отрезала, поставив стройную ножку на нижнюю ступень подъемника.

«Ну и ладно», – подумал я, заняв следующие две ступени позади несговорчивой особы.

Как же муторно стоять вот так облокотившись о резиновую ленту и ждать верхушку айсберга. Терпеть не могу метро, как выяснилось буквально пять минут назад, когда я ощутил сырость под одеждой. И какого лешего меня поперло в Сокольники? Мог бы и у себя в филиал устроиться. Зарплата та же, дорога поближе. Ах, да! Карьерного роста захотелось. Ну а кому не хочется? Правда, за два года ничего не изменилось. Меня упорно не замечают и не дают зеленый свет. Надо что-то менять и незамедлительно. Благо Санек всегда под рукой, не считая сегодняшнего дня. Всегда поможет, подскажет, выслушает и даст дельный совет. Если бы не он, и сюда б не взяли. Протекция – какое заковыристое

слово, завуалированное под всем известное «блат». Нечего стыдиться, все так живут, не только я.

Пока я раскладывал мысли по полочкам, стальная извилистая дорога домчала до выхода из подземелья. Взмыленный и уставший, наконец, я выполз из пасти цивилизации под названием метрополитен и побрел в сторону автобусной остановки.

– Да что ты будешь делать! – ругнулся, прибавляя ходу. – Подождите!

Не посчастливилось. Видимо, никто из «путешественников» не захотел оповестить водителя об отстающем пассажире.

– Следующий будет минут через пятнадцать, – подбодрил парнишка, изображая степ под навесом. – Ух, и морозно сегодня.

Взглянув на часы, я понял, что следующие пятнадцать минут ничего не решат, даже если бы приехал пораньше... Выговору быть. Как не хочется слушать очередное: «Незаменимых нет», «Москва большая, инженеры на каждом углу чуть ли не с табличками стоят». Сейчас развернусь и поеду обратно, а там будь что будет.

– Будешь хныкать – отдам тебя вон тому дяде, – мимо остановки проходила женщина в раздутом пуховике, волоча за собой санки, в которых сидел мальчишка года от роду. – Ты будущий мужчина, а ведешь себя как маменькин сынок.

«Будущий мужчина», – пробормотал я, провожая взгля-

дом заспанного пацаненка.

Какое будущее тебя ждет, мужчина? Кем ты станешь, когда вырастешь? Инженером, собаководом или начальником, таким, как у меня? Молодой, амбициозный, без царя в голове. И как таких берут начальствовать? Ах, да, протекция! Как я мог забыть это слово, под которым замаскировано нечто большее. «Ничто человеческое мне не чуждо», – кто это сказал? Вспомнить бы. Да какая разница. По фразе уже понятно: сказал тот, кто не имел души.

Пока стоял на одном месте, продрог как цуцик. А ботиночки-то на меху искусственном, как стекловата, благо ступни не чешутся. У Сашки в машине тепло и уютно. Пока он толкается в пробках, я дремлю и наслаждаюсь легкой музыкой, похрипывающей из старых пионерских колонок. Благодать, да и только.

А вот и автобус, наконец-то! Взбираясь по скользким ступеням, я вспомнил теплый, обдувающий ветерок приближавшегося поезда метро. Ох, сейчас бы туда. Присесть на свободное местечко и вздремнуть полчасика. Галдеж пассажиров убаюкивает, окуная в прострацию и забытье. Сидишь себе в обнимку с Морфеем, покачиваясь в такт вагона и наслаждаясь успокоением. Красота! Хм, кто бы мог подумать: буквально двадцать минут назад я чуть ли не проклинал царствие подземельное, а сейчас восхитился его умением вводить в гипноз, не применяя особых усилий. Чудеса!

Устроившись поудобнее у окна, я уставился сквозь стекло

на магазинные вывески, мерцающие светло-желтыми буквами.

– Круглосуточный, – вдохнув через нос, опять вспомнил былые времена.

Интересно было бы узнать, а где сейчас та девчонка? Как ее звали... Инна, по-моему. Или нет. Анна. Точно, Анна! Помню, как мы прогуливались по вечерней Москве, наслаждаясь мороженым и дружескими беседами на абсолютно глупые темы. Как-то она меня спросила, что я думаю о современной музыке. Недолго думая, выпалил: «Я до сих пор слушаю “Сектор газа”». Аня смутилась и добавила: «Я тоже». Не знаю почему, но она постыдилась своего музыкального вкуса, а я в тот момент им гордился. Как можно слушать дерьмовую попсу, от которой уши сохнут? Ну как? А еще я подумал – это судьба. М-да, судьба, которую я сам и профукал. Сбежал, как последний трус. Ох, как хочется вернуться в прошлое и изменить его... досконально.

Автобус остановился, и я вышел. Вжимая голову в мохнатый воротник, побрел на работу. Все-таки буду проситься в офис рядом с домом. Дальние поездки не для меня. Стар для этого... Заходя в пятиэтажное здание, показал пропуск грузному охраннику, сухо поздоровался и поднялся на второй этаж. Вот она, моя обитель с серыми обшарпанными стенами, плакатами, потертой казенной мебелью и опухшими коллегами.

– Всем привет, – нехотя поприветствовал я сотрудников,

сел за свой рабочий стол и выдохнул.

Хм, ничего не хочется делать. Абсолютно. Хоть криком кричи. Сажу и думаю: сейчас пойти к директору Михалычу или после обеда? Нет, после обеда обычно он уезжает куда-то, значит, нельзя терять времени. Встал, окинул прищуренным взглядом присутствующих, взглянул на часы, еще раз выдохнул и отправился менять свою судьбу. Спустился на первый этаж. Завернул за угол и уперся в дверь с табличкой «Приемная». Ну, здравствуй, вершитель судеб. Что ты мне ответишь на вопрос «А можно ли...». Черт, чувствую себя нашкодившим мальчишкой, которого привели на ковер к директору школы.

– Заходи, – говорю себе, но ноги не слушаются. – Иди. Решил менять что-то в своей никчемной жизни – иди и делай, трус.

Уф, Михалыч у нас своеобразный мужчина, за словом в карман не полезет. Грубоват, конечно, но... Что-то ни одно приличное качество не приходит в голову. Ладно, соберись, тряпка. Открыл дверь и вошел.

– Доброе утро. У себя? – не глядя на секретаршу, кивнул на директорскую дверь.

– Добрее не бывает, – услышал знакомый тоненький голосок.

Повернув голову, чуть не проглотил язык. В кресле секретарши сидела она – девушка с короткой рыжей челкой и нежными пальчиками пианистки.

– А-а, – что-то невнятное вырвалось из моего рта.

– Сергей Михайлович на совещании, – строгий голос незнакомки зазвучал еще строже. Тавтология, но других слов не смог подобрать.

– Понял, – кивнул зачем-то, хотя можно было молча уйти, но я остался. – Так можно с вами познакомиться или как?

Я не то чтобы жаждал знакомств или свиданий, просто рыжеволосая «пианистка» каким-то чудесным образом смогла зацепить мое внимание еще там, в метро.

– Или как, – не отрываясь от монитора, стучала по клавишам.

– Хм, – неприступная какая. Я постоял еще немного, покрутил головой, будто изучаю информацию на стендах, откашлялся. – Хорошо, зайду позже.

– Завтра.

– Что? – выходя, услышал, но не разобрал.

– Завтра приходите.

Опять кивнул головой и закрыл дверь. Нахохлившись, побрел по коридору. Совпадение? Не думаю. В одно время оказались в вагоне, в одном и том же офисе... А может, это знак? Но какой? Для дамы сердца слишком молода, для собеседницы – резка. Уф, надо переключиться на рабочий лад и заняться делом, а не пустыми рассуждениями. Пришел в кабинет, плюхнулся на стул, включил системник и замер. Почему за последние лет десять я обратил внимание только на нее? Нет, вернее, не так. Почему она впилась в мой мозг и не хо-

чет отцепляться? никоим образом не претендую, не мечтаю, не хочу, в конце концов.

– По кофейку? – Дима встал с места и предложил взбодриться.

– Можно, – пока компьютер пытается проснуться, отдаю местного напитка из автомата.

– Нас отпускают, – коллега встал у работа-продавца и сунул монетку в прорезь. – Две недели, и адьес.

– Откуда информация? – новость немного всполошила, но я же все равно собирался переводиться.

– Соседи рассказали.

Это он конструкторский отдел имеет в виду.

– А я хочу перейти в наш, надоело вставать с утра пораньше. Пришла моя очередь платить за кофе.

– Тебе проще – Саша поможет, а мне не к кому обратиться, – Димон загрустил. – Бегай теперь по конторам и рассылай резюме.

– И на твоей улице перевернется грузовик с ананасами, – чуть не пролил кофе на костюм. – Послушай, ты секретаршу нашу видел? – зачем спросил, сам не знаю. Заметил, в последнее время часто задаю вопросы не к месту. Старею.

– Видел, молодая совсем. Только после института, кажется, – допил кофе и выбросил стаканчик. – А что, понравилась?

– Нет, просто поинтересовался, – чувствую, как разгорелись уши. – Пошли работать. У меня сегодня отчет. Ух, при-

дется задержаться.

И тут я представил обратную дорогу домой: толкотня, духота – поездка предстоит та еще. Всеми фибрами ощутил ненависть к подземному транспорту. Слава богу, это ненадолго.

Отработав положенные восемь часов и разобрав документацию, нашел ошибки в отчете. Да что ты будешь делать? Видимо, домой попаду часам к десяти. Взял четвертую чашку кофе и продолжил работать. На часах 19:16. Помимо меня в кабинете засиделся Юра. Вижу краем глаза, как выключает компьютер и встает.

– Ты на метро? – знаю, что живет недалеко от моего района – значит, составит компанию.

– Нет, на автобус. Мне в другую сторону, – Юра кинул в портфель папку с файлами. – А что ты хотел?

– Ничего. Так спросил. Просто, – настроение обнулилось. Даже поговорить во время поездки не с кем.

Выходя из здания, так торопился, что не заметил мимо пробежавшую рыженькую.

– Ой, – взвизгнула девушка, зацепившись за мою сумку. – Извините.

– Прощаю, – на душе повеселело. – На остановку?

Ничего не ответив, секретарша побежала по скользкому тротуару. На остановку, куда ж еще? Ну, думаю, надо поторопиться. Зачем? А Бог его знает. Захотелось посмотреть, на какой станции метро выйдет. А вдруг она тоже с моего рай-

она? Вдруг сегодняшней день мне преподнес сюрприз, а я не понял и не принял как данное? Знакомятся же люди в транспорте, и ничего. Судьба непредсказуема. Не рассчитывая на общение, я побежал за ней. Автобус. Вестибюль метро. Эскалатор... Вижу, как она поглядывает на часы и кого-то высматривает из толпы, ожидающей поезда внизу. Мне захотелось приблизиться. Протискиваясь по ступеням, замучался извиняться и удерживать равновесие, чтобы не покатиться, как шар, сбивающий кегли. Наконец я оказался на твердом полу, измученный и вспотевший. И надо было так спешить? Все равно упустил из виду. Но чувство потери не покидало. Начал искать глазами шапочку цвета фуксии и рыжую челку. Не могу объяснить, что меня побудило к поискам, но всем нутром ощущал, что мне это просто необходимо именно здесь и сейчас. Обойдя мраморную колонну, облокотился на угол и закрыл глаза. Я будто потерял что-то важное, что-то очень значительное, без чего не имеет смысла дальше жить.

– Мамочка, ну зачем ты? Я же сказала, езжай домой, – молодой женский голос упрекал за непослушание. – Не нужно меня встречать, я уже не маленькая.

– Я же волнуюсь, – отвечал голос постарше. – Первый рабочий день, и ты задерживаешься.

– Придется, пока не научусь вести дела. Кстати, меня переводят в другой офис, рядом с домом.

Меня будто током пронзило. В офис? Кого-то переводят

в офис рядом с домом? Это же моя мечта на сегодняшний день. Открываю глаза и медленно поворачиваю голову, чтобы узреть счастливицу. Справа от меня, в двух метрах, стоят две женщины, как я уже понял, – мать и дочь, и мило беседуют. Я залюбовался. Семейная идиллия: рыженькая секретарша и такая же молоденькая мамочка. Рассматривая прелестных дам, представил, как дома их встречает папа с горячим чаем, а после ужина они садятся перед телевизором и обсуждают прошедший день. Не по-мужски, но позавидовал. А вот и поезд. Летит на всех парах, чтобы собрать пассажиров, как шпроты в банку, и развезти кого куда: к семьям, детям, родителям... Одиночество заставляет задуматься о прожитых днях, о потерянной любви, нелюбимой работе и...

Вагон остановился прямо передо мной. Двери открылись, и безумная толпа ринулась в «банку», толкая друг друга, чтобы успеть занять счастливое место, имя которому – свободное кресло.

– Осторожно! – взволнованный мужской голос остановил людей.

Как по команде пассажиры расступились, и я увидел упавшую женщину на перроне. Не помня себя, подскочил и помог подняться.

– Спасибо, – испуганная дама собралась плакать. – Большое спасибо.

– Бессовестные, – загалдела толпа, возмущаясь. – Чуть женщину не задавили.

Отряхнувшись, дама вошла в вагон, а я помог найти свободное место. Усадил и встал прямо перед ней, взявшись за поручень. В этот момент почувствовал себя героем из сказки про дракона. Рыцарь, все дела. Дикторский голос объявил следующую остановку, двери закрылись. Вагон качнулся, набирая скорость, а я до сих пор пребывал в неге, мысленно расхваливая свой подвиг под многоголосый шум сборища.

– Алеша? – кто-то назвал мое имя, а может, и не мое. Мало ли Алеш вокруг. Показалось.

– Алеша? – пробивалось сквозь гул поезда в тоннеле. – Алексей!

Мои глаза словно обрели собственную волю и перестали слушаться хозяина. Покрутив головой, увидел молодую женщину, взгляд которой был устремлен прямо на меня. Подняв указательный палец правой руки, я ткнул им в свою грудь.

– Вы меня?

Женщина кивнула и улыбнулась. Кто ты, о, прекрасная леди, что зовет меня посреди серой толпы? Решил уточнить и пошел в наступление. Уставшие люди ругались и злились, пытаясь остановить мою тушу, наглым образом пробивающую себе дорогу. Чем дальше пролезал, тем яснее становился образ той особы, что кинула клич. Правда, я так и не понял, кто она. Оставалось всего чуть-чуть: обойти три человека, и тут меня шандарахнуло сверху донизу какой-то немислимой силой, заставившей прокрутить киноленту прошлого.

– Аня? Здравствуй, Анечка, – растолкав плечами нудя-

щих женщин, я поравнялся с ней и засыпал вопросами. – Как ты? Откуда? Давно в Москве?

– Я живу здесь вот уже почти шесть лет.

Боже, ее глаза, улыбка... Она нисколько не изменилась со студенческих времен. Это была она, моя Анечка, от которой я сбежал когда-то, как последний трус, испугавшись мамкиных упреков. Волна любви захлестнула с новой силой, и я испытал те чувства, которые испытывал больше двадцати лет назад к этой миловидной девушке.

– Я так рад тебя видеть, – сердце было готово к прыжку метров на сто. Неожиданная встреча взволновала меня настолько, что я потерял дар речи. Желание обнять и поцеловать силилось с каждой секундой, но я не мог. Скорее всего, Аня замужем, и я не имею права претендовать даже на улыбку, не говоря уже о поцелуе.

– Ты замужем? – нечаянно вырвалось.

– Во дурак, к чему этот вопрос? Да, сегодняшней день явно сулит мне казаться глупцом в чужих глазах.

– Нет, – Аня смотрела в упор, не сводя глаз. Это волновало и настораживало.

– Мам, ты с кем там? – из-за полноватого тела, перегораживающего обзор, выглянула... кто бы мог подумать! Рыженькая! Секретарша, которую я преследовал на обратной дороге! Убрал телефон в сумку, девушка нахмурила брови, как бы спрашивая: «Кто ты вообще такой, что ходишь по пятам и пристаешь к женщинам?»

– Вы знакомы?

Аня перевела взгляд на девушку, а потом – на меня. Помедлила с ответом, поправляя выбившиеся из-под вязаной шапки локоны.

– Это твой папа, – не сбавляя тона, ответила она и прослезилась.

С того дня прошло уже полгода. Я живу с Аней в ее квартире. Работаю с дочерью в том офисе, куда и хотели перевестись. И каждый день звоню другу Саньке и благодарю его за то, что он тогда заболел и не повез меня на работу.

Никитична

Эту историю мне рассказала подруга, которая работает фельдшером скорой помощи. Обычно я ее про работу не расспрашиваю, знаю, какие порой у них случаются кошмарные ситуации. Но одна история прочно засела у меня в голове. Подруга рассказала мне ее, когда мы думали, как усадить моего мужа в такси после корпоратива. Насмеявшись вволю с попытками «погрузить тело», подруга без сил плюхнулась на сиденье и сказала:

– Ох, сейчас бы сюда нашу Никитичну. Та точно его подняла и усадила бы в два движения!

– Это та, которая уже 50 лет на «скоряке»? Так она ж крошечная, как сушеная ягодка!

– Она, да! Рост метр двадцать, вес килограммов сорок. Но я так люблю с ней в одну смену попадать!

– Почему?

– Да ты не представляешь, как легко и быстро она на ноги всякий неадекват ставит и в себя приводит. Был у нас случай, я тогда только-только пришла работать и в смену с Никитичной меня поставили впервые.

– Расскажи!

– Дело было так. Поступил нам вызов «смерть на улице». Мы на такие летим, только волосы назад, чтоб успеть реанимировать. Приехали минут за пять. Видим – стоит толпа

на остановке вокруг бездыханного тела. Издалека чувствуем чудесное амбре многодневного запоя и понимаем, что товарищ в стельку пьян. Начинаем ругать вызвавших нас сердобольных граждан. Те доказывают, что человек мертв – не реагирует на попытки разбудить, вроде не дышит, давно не шевелится.

А надо заметить – мужчина был довольно внушительных размеров. Этакий богатырь, решивший отдохнуть.

Устав слушать препирания и тратить попусту время, Никитична подошла к мужчине и схватила его за ухо. Через минуту эта крошечная женщина подняла пациента на ноги. Пара оплеух шла бонусом и помогла взбодриться и отправиться домой.

Оторопевшая толпа пару минут молчала, находясь в глубоком ступоре, а я с тех пор всеми правдами и неправдами просилась в смену именно с Никитичной. Не человек – клад!

– Вот, а ты говоришь – сушеная ягодка! Это не ягодка, а та еще перчинка.

– Может, нам попробовать это тело тоже за ухо «реанимировать»?

– А может, не надо? – тело подало голос. – Я сам пойду, честно, не надо меня к Никитичне!

Похороны

Жизнь – штука непредсказуемая. Живешь вроде как все и не догадываешься, какую «заковырину» может вытворить родной, казалось бы, человек. Иногда просто диву даешься, сколько коварства может скрываться в человеке!

Иваныч с Михалычем были закадычными друзьями с тех самых пор, как местное ДРСУ закрыли и их обоих отправили на «заслуженный отдых». Остальной коллектив практически полным составом был принят на работу в одно из ЖКХ города. Кроме этой парочки. Было в них что-то неуловимо душное и одинаково дотошное. Хотя и не было в их внешности ни единой общей черты.

Они работали в разных подразделениях и почти не пересекались по работе, но были, как братья-близнецы. Любили критиковать, обсуждать, осуждать и устраивать склоки на ровном месте. Не было дела, которое они не обложили бы своими едкими комментариями.

– Ну кто тебя учил так гайку заворачивать?

– Ты хоть в школу-то ходил? Или только курить за угол бегал?

– Ты изоленту в глаза видел? Иди в телефоне своем посмотри, что это такое и как пользоваться!

Подобные комментарии они оставляли по поводу и без. Сами при этом либо вовсе за дело не брались, либо делали

из него великое одолжение. Начальство воспринимало обоих как чемодан без ручки – нести тяжело, а выбросить жалко. Найти работу за пару лет до пенсии эти склочники вряд ли смогли. Вот и терпел их коллектив, считая дни до пенсии. Их пенсии. Которая, к счастью, должна была наступить почти одновременно.

Отдых-то, может, и был заслуженным, но воспринимался обоими как личное оскорбление. Мол, набрали на работу малолеток неопытных, зеленых да глупых. А их, опытных, работающих, бывалых, оставили за бортом.

После ухода эта парочка выяснила, что у них много общего:

- полнейшее отсутствие хобби и увлечений. Даже рыбалка не прельщала и не манила своими разнообразными удовольствиями;
- склочный и скандальный характер;
- отсутствие желания заниматься огородными работами;
- огромная, многолетняя любовь к выпивке. Нельзя сказать, что были они запойными алкоголиками или буйными дебоширами, но прожить недельку без стопочки в выходные не могли оба.

Именно на этой почве они, собственно, и сдружились. Причем настолько сдружились, что стали пропускать стопочку не только по выходным и праздникам. А потом и не стопочкой стали увлекаться. Никуда ж не надо! На работе не оценили, увлечений никаких. А водочка родимая развязы-

вала язык и настраивала на нужный лад.

– Вот ты мне скажи, Иваныч, как такое могло случиться, что перестала молодежь старших уважать? Почему эти сопли зеленые перестали опыт ценить и за советом к более опытным специалистам идти? Неужто они на самом деле думают, что все их современные побрякушки заменят нас: опытных, бывалых, знающих мастеров?

– Согласен с тобой, Михалыч. Перестала молодежь ценить такие ценные кадры, как мы! И ладно бы было кем нас заменить. Так нет ведь! У меня весь цех на одном мне держался! Ведь куда ни коснись – ничего не умеют. Готовы сделать «тяп-ляп»! А ведь работа – она знаний требует. Качества. Умения!

Каждое слово Иваныч сопровождал многозначительным жестом, говорящим, как он относится к сказанному.

Казалось, темы у этой парочки не иссякнут никогда. По мере опустошения бутылки разговоры становились все более душевными, а голоса – громкими.

Мужики каждый вечер собирались, усаживались во дворе двухэтажки, которая стояла аккурат между их домами на нейтральной территории и начинали обсуждать жизнь.

– Как плохо жить стало, Иваныч! Скучно, заняться нечем, да и поговорить не с кем. Хорошо хоть ты вот есть. А то и словом не с кем обмолвиться!

– Не говори, Михалыч. Даже баба моя какая-то не такая стала. Пилит меня, скандалит. На дачу тащит. А сама дура

дурой, поговорить с ней не о чем. Да и вообще кругом у всех одни «интернетеры», людей из телефонов не вытащить. А так хочется собрать всех соседей, усадить за большой стол, да и надраться до потери пульса!

– Да-а-а-а, погрязли люди в своем ненастоящем мире. И ведь дальше носа своего не видят!

И так каждый день. Только и делали мужички, что лодырничали да напивались «до кондиции».

Понимая, что дальше так продолжаться не может, решили «подруги по несчастью» мужей своих шибко заумных проучить. По-своему, по-бабски. С хитростью и юмором. Который, впрочем, мужьями воспринят был совсем иначе.

Не придумав ничего лучше, решили бабенки мужей своих напугать. Так сказать, устроить им шоковую терапию.

Нашли они старый шифоньер на даче (благо дача Иваныча была буквально в дух шагах от излюбленной лавочки, на которой философствовали мужики) и решили запереть в нем своих забулдыг. Иначе удержать их от ежедневного «синего» дела жены не могли.

Когда мужья напились до потери памяти, но на ногах еще стояли, отвели их жены на дачу, да и заперли в этом старом шифоньере. Одного закрыли в узком отделе, так как был он посубтильнее. А другого – в широком, так как он комплекции дородной и внушительной. Хорошо хоть сам шел – дотащить этакую тушку и тягач не смог бы.

Чтобы не оставлять мужчин и не пропустить момент про-

буждения, решили жены заночевать на даче.

Проснулись мужички утром и не могут понять: темно вокруг (шифоньер за ненадобностью лежал на полу в старом сарае и использовался как ящик для отдельного хранения овощей. В большой отдел сыпали картофель, а в меньший – морковь и лук), тесно, грязью и сыростью пахнет, словно в могиле.

– Где это я? Куда это я попал? – встревожился первый проснувшийся.

– Иваныч, ты где? Голос твой слышу вроде, а пошевелиться не могу.

– Михалыч, ты тут? Что за место странное? Земля кругом и гнилью пахнет.

– Иваныч, мы походу с тобой допились, нас похоронили!

– А почему рядом? Я вроде завещал меня в родной деревне похоронить, а тебя?

– А я здесь, в городе хотел остаться. Не должны нас с тобой были вместе закапывать!

– Эх, бабы! Бестолковые головы! Ничего по-человечески сделать не могут! Даже в землю зарыть нормально.

– Ты не бабу свою вспоминай, а думай, как выбираться! Я жить еще хочу, мне вообще умирать неохота!

– А вдруг мы с тобой уже того?

– Чего того? Ты дурной, что ли, совсем? Мы ж с тобой разговариваем лежим!

– Ну может, мы умерли и на том свете говорим.

– Обпился ты, Иваныч! Нет ничего на том свете! Сдох и все – гроб, могила и компот на поминки! А мы живые. Я себя точно живым чувствую! В туалет хочу, сейчас лопну!

– Ну да, Михалыч, вряд ли на том свете потянет в туалет. А как быть теперь?

– Как быть, выбираться! Ты знаешь, какой глубины могилы роют?

– А кто ж их знает! Я никогда не рыл!

– Ну как сейчас все делают через одно место, надеюсь, эти лодыри неглубоко вырыли, выберемся!

– Ну, давай поднатужимся. Ты потолще будешь – у тебя быстрее получится крышку оторвать. Выберешься – позови на помощь. А я изо всех сил буду пытаться выжить и надеяться на тебя!

– Ты из ума, что ль, скатился! Не полезу я никуда! Ты в курсе, какими гвоздями крышку гроба заколачивают? Я ж не конь, чтоб их выдирать!

Слово за слово, разругались друзья в пух и прах. Неизвестно, сколько времени скандалили бы они, если б не жены, которые не смогли больше сдерживаться и смеяться вполголоса.

– Иваныч, ты слышишь, вроде наши бабы ржут, словно кобылы?

– Не пойму, Михалыч! Вроде на погосте так и не пристало, да и совестно должно быть, вроде мужей только схоронили.

– И ведь снюхались как-то уже! Когда только успели?

– Не говори! Слышишь, как гогочут? Бесстыдницы. Мужей схоронили и веселятся! Вот и женись после такого. Сорок лет душа в душу, думал, живем. А она вот так? Знаешь, друг, не полезу я никуда спасаться, издохну тут! Куда мне выбираться? Кому я там нужен? Вон и жена рада моей погибели... – всхлипнул бедолага.

– Точно, друг. Только мы с тобой друг у друга и остались. Хорошо, что вместе нас схоронили. Ты только и понимаешь меня. Хорошо, хоть под конец жизни познакомились мы!

Насмеявшись вволю, решили жены, что пора вызволять мужей, которые сполна получили урок.

Открыв дверцы, посмотрели они на своих мужиков, земляй перепачканных, и сказали:

– Ну что, появился интерес к жизни? Или так и будете синячить, пока на самом деле в ящик не сыграете?

Первые несколько дней мужики вообще с женами не разговаривали, потом вроде отошли. Но встречаться за бутылочкой перестали. Передислоцировались на дачу. Первым делом собрались, да и разломали в щепки старый шифоньер. На всякий случай...

Сюрприз от тещи

Двадцать второго числа собрались с мужиками в баню. Встретились, попарились, поржали над анекдотами. Перенесли свои распаренные тела в предбанник. На столе пиво, рыбка – все, что нужно для настоящего расслабона.

– Ну? Кто как завтра праздник отмечает? – Витька оторвал зубами кусок сушеной воблы и запил холодным пенным.

– На рыбалку с женой поедем, – первым ответил Макс.

– А мы – на дачу, – причмокивая, Серега откинулся на спинку лавки и разложил руки в разные стороны. – Шашлычки, музыка. Кайф.

– Толян, а ты чем завтра занимаешься? – ребята уставились на меня и замолчали.

– Теща завтра приезжает, – с тяжелым сердцем ответил я и залпом осушил банку холоденького.

– А-ха-ха-ха! – предбанник затрясся от раскатистого смеха.

– В театр, наверное, пойдете, – у Витьки изо рта вывалился недоеденный кусок рыбы, – она ж у вас спец по классическому двоеборью.

Это он вспомнил тот случай, когда моя теща сцепилась с одной дамочкой в вечернем платье, когда та перепутала номер места и плюхнулась в чужое кресло. А теща моя низень-

кая, пухленькая, но очень задиристая. Слова ей не скажи, таким двухэтажным окутает, что в глазах заискрится. Мужики знают, поэтому и в гости не приходят, когда она приезжает.

– Берегись, Толян, завтра у тебя не праздник, а полноценный рабочий день, – Серега стукнул рядом сидящего Витьку по плечу и заржал.

– С утра впряжет на рынок, будешь ей вместо ишака! – Витек, как всегда, поддержал отстойную шутку и ударил кулаком по столу.

– Смейтесь, смейтесь, – отложив в сторону хвост вяленой рыбы, открыл вторую жестянку.

Теща у меня неплохая, только приставучая, спасу нет. Как приедет – хоть из дома беги. А Милка, моя жена, молчит и не перечит ей. Мать все-таки. Да я понимаю, пусть только меня не трогает. Иногда складывается такое впечатление, что теща нарочно приезжает, чтобы меня позлить. То шкафчик надо перевесить, то дверца покосилась. Здесь приклей, там прибей. Давно б придумал, если бы не была матерью моей жены.

С Милкой мы живем уже семь лет. Поженились, когда ей было тридцать три. Теща не была против меня, но и сразу дала понять, что дочку в обиду не даст. А кто ее обижает? С друзьями встречаюсь только по праздникам и иногда в субботу, получку отдаю, как и полагается. Дети? Есть у меня дочка от первого брака. Общаемся, но редко. Бывшая не позволяет. А с Милкой не выходит ничего. Первые два года те-

ща не лезла с вопросами о детях, а после пятого как с цепи сорвалась. У меня, мол, есть дите, а общих с Милкой не желаю. А я-то тут причем? Я ж нормальный. Дочка есть – значит, проблемы у женки. А проверяться не хочет.

Милка моя в Бога верит. Ездит на поклон, свечи ставит, молится. Семь лет уж как впустую. А мать ее шибко верит в приметы всякие. Пиво вредно, жирное есть нельзя, баня всю мужскую силу выпаривает. И откуда она это берет? А позже выяснилось: Мила бесплодна.

Наслушавшись насмешек от приятелей, я поднялся и ушел в парную. Поддал парку, залез на верхнюю полку, задумался. И будто просочился сквозь лавку.

Очнулся я лежа на полу в предбаннике. Голова на пороге, Витек поливает меня холодной водой и посмеивается.

– Мы пошутили, а ты так обиделся, что на тот свет собрался?

– Что случилось? – голова трещала так, будто вот-вот расколется.

Ребята помогли подняться. От перемены позы меня затошнило. Посадив мое обессиленное тело на лавку, Сергей рассказал, как они слышали грохот и рванули посмотреть. А там я лежу на полу и вдыхаю запах дубовых веток.

С трудом пришел в себя. Оделся и поехал домой. В такси меня пару раз вырвало. Даже дверь не успел открыть. Думал, сдохну, пока доберусь до дома. Ехать почти тридцать минут, но эти полчаса для меня стали пыткой. Через какое-то время

вдалеке показался дом, в котором живу. Я так обрадовался, что моментально полегчало.

Расплатился с шофером, подкинул сверху с извинениями и потопал к подъезду. Лучше бы я не ездил сегодня в баню. Кое-как поднявшись на этаж, открыл дверь и ввалился в квартиру.

– Ты что, пьяный, что ли? – перед моим лицом появились ноги в тапочках. – Праздник только завтра, а ты уже на рогах, – слышу обиженный голос жены.

– Чего пристала?

Опаньки! Теща! Собственной персоной! Ну и какого рожна ей приспичило прикатить сегодня, когда завтра еще не наступило? Ну все, думаю, сейчас начнется. И докажи, что не пил. Пивом-то от меня за версту несет. Приготовившись к порицательной беседе, я встал на колени.

– Да будет тебе, сынок, – подхватив меня за подмышки, помогла встать на ноги, – я ж не королева какая. Не надо на коленях стоять.

Ох ты ж, она, оказывается, и шутить умеет? Не верится что-то. Вот орать и кидаться упреками – это она враз, а тут... шутки-прибаутки.

– Судя по выхлопу, не так много он и выпил, – крикнула своей дочери, дабы заступиться за меня.

Снимая с меня зимнюю куртку, тихонько спросила:

– Курнул чего-то? Ты признайся, я пойму, – золотой зуб блеснул мне прямо в глаз, и тут я почувствовал подвох.

– Вы же знаете – не курю, – расшнуровал ботинки. – В бане угорел.

Согнувшись, теща одним махом стянула обувь. Моему удивлению не было предела.

– Пойдем, я провожу тебя до постели, – взяла под руку и повела в опочивальню.

Уложила, накрыла одеялом. А вот тут я сам чуть не офигел – поцеловала в лоб и сказала, что принесет чаю с малиновым вареньем, которое привезла специально для любимого зятя. Чаю я не дождался, уснул без задних ног.

Проснулся двадцать третьего почти в одиннадцать. Голова побаливала, шум в ушах исчез. Поворачиваюсь и вижу на прикроватной тумбочке поднос с печеньем и чашкой кофе. Ого, первый сюрприз. Отлично! Но печенье не полезло в горло. Я вспомнил, что вчера приехала теща.

– Проснулся уже?

– Вспомни оно... а дальше по тексту.

Настроение улетучилось, и я ощутил нарастающую волну головной боли. Отвези туда, принеси то...

– Сынок, одевайся и выходи к столу, – теща сияла, как новенькая пятирублевая монета, – у нас есть два подарка для тебя.

Как? Еще подарки? Куда ж больше. Один уже есть – теща, а второй? Торт какой-нибудь.

Я нехотя поднялся, оделся и вышел. Захожу на кухню, осматриваюсь. За столом жена и ее мама. Улыбаются. Ну, ду-

маю, сейчас по магазинам потащат за дешевизной, пока никто не разобрал.

– Садись, – теща выдвинула стул и взяла мою тарелку. – Ты что будешь, заливное или окорочок?

– И то, и другое. И желательнее побольше. Со вчерашнего ничего не ел, – в больной голове всплыло такси, в котором я ехал.

Теща будто меня не услышала, наворотила в большую тарелку все, что наготовлено. Порциями, конечно. С голодухи я начал уплетать праздничные блюда в три горла. Заднюю ногу некогда кудахтавшей, дрожащее заливное, дырявый сыр, подвядшую зелень... Пока я давился вкуснятиной, теще вздумалось произнести тост.

– Хочу поднять этот бокал прекрасного вина за Анатолия. За нашу опору, гордость и нашего любимого защитника.

У меня в глотке застряла поджаристая кожица с чесночком. Ни туда, ни обратно. Ни вздохнуть, ни п... Чувствую, краснею от напряжения. Ну не выплевывать же на стол перед оратором. Мои глаза предательски заслезились, и теща заметила эту неприятность.

– Какой ты, оказывается, ранимый и стеснительный, – по ее пухлой щеке потекла струйка сочувствия. – А я ж о тебе плохо думала...

Поставила бокал на стол и обратилась к дочери.

– Людочка, не будем тянуть с сюрпризами, – дав команду кудрявой головой, принялась поглаживать мою шевелюру.

Через секунду я узнаю о своем новом статусе. Моя Милка забеременела всем врагам назло. И тут произошло то, чего я сам от себя не ожидал – приступ тошноты. Да такой настойчивый, что пришлось бежать в туалет.

– Людочка, смотри! – завизжала теща от радости на всю квартиру, как та поросся, упавшая в самую вонючую лужу. – Он все чувствует! Это называется... Ох, забыла! Я где-то читала об этом! Муж переживает то же самое, что и его жена во время токсикоза! Какой же он славный!

Сидя на толчке после полоскания внутреннего мира, я не мог прийти в себя. Нет, не от вчерашнего угара, а оттого, что у нас все-таки получилось.

На этом сюрпризы не закончились. Отметив будущее прибавление в нашем семействе, я узнал, что теща продала квартиру. Кстати, Мила не была в курсе мамкиной затеи.

– А жить переезжаю к вам, – слезы счастья и крепкого вина текли не переставая. – Буду с внучечкой помогать, растить и воспитывать. До рождения нужно сделать ремонт и поменять мебель. И да, вам лучше спать отдельно, чтобы не навредить ребеночку.

С этого дня я закурил.

Вот такая вот история.

Ключ от счастья

Лена с грустным видом посмотрела в заснеженное окно: на дворе мороз минус двадцать, она дома одна, и через несколько часов наступит Новый год. Не зная, чем себя занять, подошла к холодильнику, открыла и принялась бесцельно разглядывать содержимое. Все на месте: заготовки для крабового салата, любимого оливье, селедки под шубой и курицы с ананасами. Внизу томится, ожидая своей очереди, бутылка шампанского, куча фруктовой, мясной и сырной нарезки.

Лена почувствовала, как защипало в носу, подступили слезы.

– И зачем я столько наготовила?!

С треском закрыв холодильник, девушка упала на пол возле дверцы и разрыдалась.

Прошло два месяца, как она рассталась со своим молодым человеком Пашей. Причина расставания банальная: Паша завел роман на стороне и обвинил в этом Лену.

– Это все потому, что ты занята работой, для тебя моих желаний и потребностей не существует, – заявил ей обиженный парень.

– Я как бы сейчас плачу за ипотеку, чтобы была крыша над головой. Надоело, знаешь ли, по съемным углам мыкаться, – сердито ответила девушка. – Да, у меня часто бывает

ненормированный график, зато ты всегда свободен, как этот мультяшный Пятачок. И не только до следующей пятницы.

– То есть ты хочешь сказать, что, пока ты вкалываешь на свою ипотеку, я ничего не делаю и просто сижу на твоей шее? – взвился Паша. – Ты знаешь, почему я начал встречаться с Анжелой? Потому что она – настоящая, живая женщина, а не робот, помешанный на своей работе. Тебе не нужны моя любовь и верность, зато ты помчишься в три часа ночи встречать своего шефа. Кстати, ты ведь его не просто так встречаешь? Наверняка у вас есть любимый номер в гостинице, где можно неплохо провести время.

Этого Лена не смогла стерпеть и выставила нахального изменника за порог. Паша ушел с видом оскорбленной добродетели и отписался от бывшей девушки во всех соцсетях и мессенджерах. Чуть позже он разблокировал ее и даже пытался что-то написать, но Лена не отвечала. Ей было некогда: она уехала в заграничную командировку для проведения презентации перед иностранными клиентами. Зато приехала аккуратно к Новому году, по привычке накупила обычный продуктовый набор для встречи праздника.

По своему обыкновению сделала традиционные салаты и парочку по новым рецептам. Ощущение одиночества и обиды давило так, что временами ей хотелось выть. Что она и решила сделать. Оделась потеплее после осмотра холодильника, вооружилась шокером и пошла в парк напротив ее нового дома.

Вопреки всему, на улице народу было мало. Видимо, готовятся, добивают последние штрихи, невесело подумала Лена, наматывая очередной прогулочный круг по аллеям. Неожиданно послышался странный шум, и через секунду девушку сбilo с ног нечто большое. Пока она соображала, что произошло, и пыталась встать хотя бы на четвереньки, в Лену повторно врезалось что-то еще, но уже ниже и меньше по размеру. Удар оказался довольно сильным, и она потеряла сознание.

Когда пришла в себя, то обнаружила, что перед ней с виноватым видом стоит полная девушка примерно одного с ней возраста, а за стеклянной дверью – огромный лохматый пес, который теперь изображал неподвижную статую.

– Простите, как вы? – засуетилась незнакомка и помахала кому-то рукой. На ее жест вышел высокий молодой мужчина в медицинском халате и наклонился над Леной.

– Позвольте, – он взял девушку за руку и прослушал пульс. Затем, сохраняя отсутствующий вид, проверил реакцию зрачков на свет и попросил следить за кончиком стетоскопа. Лена молча выполнила его распоряжение и нерешительно спросила:

– Вы кто? И где я нахожусь?

– В городской клинической больнице номер три, отделение травматологии, – спокойно ответил мужчина и бросил незнакомке с собакой. – Катюха, пациентка в порядке. Можете идти.

– Ой, вы меня простите, пожалуйста, – обратилась девушка к Лене, которая с отрешенным видом продолжала сидеть в кресле, – меня зовут Катя. И моего ненормального пса тоже простите, он, когда видит кошку, становится сам не свой. Побежал за кошкой, потащил меня за собой на поводке...

– Получается, меня сначала сбила собака, а потом – вы? – уточнила Лена и дотронулась до головы – в виске ныло.

Доктор наклонился над Леной и добавил:

– У вас нет сотрясения, я все проверил. Есть пара синяков, но это быстро пройдет. Как вы себя чувствуете?

– Голова немного болит, – ответила Лена и показала на висок. – Вот здесь.

– Все-таки вы удивительно крепкая, – улыбнулся врач, – пережили два лобовых столкновения меньше чем за минуту. Катька, ты о чем вообще думала? – строго спросил он, обращаясь к собачнице.

Та виновато опустила голову.

– Извините, я обычно успеваю его удержать, но в этот раз так получилось... неожиданно. А как вас зовут? – обратилась Катя к Лене, которая изучала собственные ноги и мечтала уйти из больницы как можно скорее.

– Лена, – ответила та и поднялась. – Ребята, я пойду.

Она пощупала карманы и убедилась, что, кроме ключа от входной двери, ничего с собой не взяла: ни денег, ни карточки.

– Вы могли бы дать мне на проезд? – смущенно спросила

Катю, которая что-то напористо шептала врачу на ухо.

– Какой проезд? – всплеснула руками Катя. – Я привезла вас сюда на машине, так же и отвезу обратно.

Лена понимала, что происходит что-то странное. В том, что ее сбили дважды, ей не виделось ничего удивительного. Но как ее посадили в машину и привезли сюда? Рядом, насколько она помнила, никого не было.

– Я... как бы это сказать, – оправдывалась Катя, – в прошлом занималась тяжелой атлетикой, поэтому поднять ваши шестьдесят кило для меня не проблема. Подогнала машину и загрузила. Женя, ты идешь? У тебя смена еще утром закончилась, а ты до сих пор тут торчишь.

Женей оказался тот самый врач, который оказывал помощь Лене.

– Это мой брат Евгений, – представила его Катя. – Очень милый и чертовски привлекательный. Главное его достоинство – свободен от семейных уз, потому что, как он говорит, не родилась еще та, что его окольцует.

– Катя, хватит городить чушь, – возмутился Женя и виновато посмотрел на пациентку. – Не обращайтесь внимания. Просто у моей сестрички идея фикс женить меня, пока из меня песок не посыпался.

– Ага, скоро возле вашей больницы реально ничего сыпать не будут. Потому что ты находишься здесь 24 часа в сутки и успеваешь за время беготни по корпусам обсыпать всю территорию, – усмехнулась Катя. Подумав, она полезла за клю-

чами от машины и кинула их брату. – Держи, псих-одиночка. Поведешь ты, а то у меня от сегодняшних приключений руки дрожат, вдруг еще что-нибудь случится.

– Правильно делаешь, так будет безопаснее для всех, – с улыбкой ответил Женя и, забрав ключи, направился к выходу. – Дамы, прошу за мной. Джек, ты не дама, но тоже не отставай.

– Это ваш брат? – шепотом спросила Лена.

Катя кивнула.

– Он самый. Единственный и неповторимый, только торозит всякий раз, когда заговариваю про его будущую семейную жизнь.

Евгений ушел подгонять машину, забрав с собой пса, и Катя воспользовалась ситуацией, чтобы рассказать о нем побольше.

– Понимаете, он пережил очень сильную личную драму – его бросила девушка. В смысле, все произошло по принципу «лучшая защита – нападение». Она за месяц до свадьбы попала с каким-то типом на яхте за границей. Хотя улетела туда решать деловые вопросы, по ее словам. Видимо, решила все очень хорошо, и ее отблагодарили прогулкой на яхте в полуголом виде. Женька, когда ее увидел в соцсетях, разорвал помолвку и отменил свадьбу. Она сказала, что ему никогда столько не заработать и что уж точно не он будет покупать для нее яхту и крутую виллу за границей. Вот и ходит уже третий год и рычит не хуже Джека, когда я говорю, что

ему нужно перестать бояться и завести новые отношения. А у вас как на личном фронте? – неожиданно спросила Катя.

– У меня нет личного фронта, – ответила Лена после короткой паузы. – Тоже все очень сложно и тоже после драмы.

– Ой, да что с людьми такое делается? – покачала головой новая знакомая. – Хорошо, у меня такой мороки нет. Мой Леша – простой как три копейки, но верный и любящий. И руки у него золотые, так что я его ни на кого не променяю.

Катя попросила Лену сесть вперед, рядом с водительским местом.

– У меня Джек решил, что самый пострадавший в этой ситуации – он, и развалился на все заднее сиденье, – сообщила хозяйка пса-собственника. Потом почему-то подмигнула брату и откинулась назад с серьезной миной. – Чего ждем? Поехали.

Женя усмехнулся: он прекрасно понимал весь смысл манипуляций сестры. Обычно она старалась познакомить его с кем-нибудь из своего окружения, но сегодня превзошла сама себя. Дважды сбить незнакомую девушку при помощи собаки и привезти ее на собственной машине в травматологию, чтобы передать из рук в руки, – такого еще не было. Неужели Катюха решила устроить настоящую охоту на будущую невестку, неважно, кем она окажется?

Мужчина скосил глаза на сидящую рядом Лену, которая с безучастным видом смотрела на дорогу и молчала. На виске виднелась ссадина, верхняя губа слегка припухла.

«Голубые глаза с длинными темными ресницами, точеный профиль, высокий лоб – как раз в моем вкусе, удачно Катюха с Джеком прогулялись», – подумал врач, повернув авто во двор.

– Мы приехали, – неожиданно проговорила Лена, показывая на подъезд.

На лице Кати мелькнула горькая досада, что дорога так быстро подошла к концу.

– Я, конечно, не сомневаюсь в профессионализме Жени, но будет лучше, если мы проводим вас до порога, – Катя мгновенно выпрыгнула из салона и взяла Лену под руку. – Пусть эти двое подождут, а я вас доведу. Все-таки это моя вина, что не уследила за собакой.

Лене нечего было возразить на это, и она позволила Кате проводить себя до квартиры. На прощание та вручила ей серебряный ключик на тонкой цепочке.

– Это в честь Нового года. Откроет вам дверь к новой жизни.

Попрощавшись, Лена вошла в квартиру и устало опустилась в кресло. Стояла идеальная тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов. На глаза попался подарок новой знакомой: дверь в новую жизнь?

Не понимая, зачем она это делает, девушка вылетела на балкон и закричала:

– Катя, Женя, стойте! Джек, скажи им, чтобы не уезжали! Словно понимая, что обращаются к нему, пес оглуши-

тельно залаял на сидящую рядом с ним хозяйку. До этого Катя возмущенно говорила брату:

– Какой ты лопух, у меня слов нет! Ты просто дал ей уйти, тебя прибить мало. Я же видела, как ты засиял, когда она села рядом. И чего ты ушами хлопал?

– Катюха, она меня впервые в жизни видит, и я должен был начать распускать перед ней хвост?! – возмутился мужчина. – Хватит, прошу тебя. Я сам как-нибудь устрою свою жизнь.

– Устроишь! – передразнила его сестра. – Ты понимаешь, что такие девушки – редкость в наше время? Она могла бы закатить истерику, позвать полицию, но она этого не сделала. У нее было смертельно уставшее лицо, пока мы были в больнице. Ей нужна поддержка, остолоп ты этакий. И тебе нужно перестать заикливаться на своем прошлом. Джек, да чего ты разлаялся?

Из подъезда тем временем выбежала Лена, размахивая руками. Женя замолчал, увидев перед собой недавнюю пациентку.

– Что-то случилось? – проямлил он, когда Лена попросила открыть дверь.

– Случилось, – запыхавшись, ответила она и показала ключик, подаренный Катей. – Давайте отметим Новый год вместе.

– Вы не против, если я поеду домой? – спросила Катя, на что оба ответили дружным «нет».

– Хорошо, тогда я позвоню Леше, и пусть приходит? – Кате ответили согласием, и она начала набирать номер мужа.

Голова Лены от такого бурного проявления эмоций закружилась, и девушка чуть не упала. Женя заботливо подхватил ее и обнял за плечи, что ей очень понравилось – скромно и без намека на пошлость.

P. S. Свадьбу Лена и Женя сыграли через два года, в канун Новогоднего праздника, и мечтают встретить его полным составом.

В рубашке родился

Германа Васильевича все считали везунчиком. А жена, после очередного приключения мужа, повторяла: «Ты просто в рубашке родился!»

Стремление к экстремальной, рискованной деятельности у него проявилось в детстве. Например, однажды соседи из окон наблюдали, как мальчик играет со сворой здоровенных бродячих псов, а на зов родителей отвечал дружный лай случайных хвостатых знакомых сына. В подростковом возрасте очень быстро велосипед сменился на скейт, скейт – на мопед, а мопед – на мотоцикл. Не раз за юным Германом по городу гонялся целый взвод патрульных машин с мигалками, но ему чудом удавалось скрыться, при этом остаться целым и невредимым. Когда пришло время романтических свиданий, ради очередной прекрасной избранницы молодой человек то залазил к ней в окно седьмого этажа, поднимаясь по наружной стене дома, то задирался с местной шпаной, грозя «начистить» морды всем авторитетам. Так он познакомился со своей женой Татьяной Михайловной, с которой жил уже более тридцати лет.

Но семейные узы никак не связали неуправляемого экспериментатора. Всю жизнь он продолжал рисковать, как он говорил: «Ради познания мира».

Герман Васильевич ездил в Африку, чтобы поближе по-

знакомиться с дикими хищниками. Там, наблюдая за купающимися бегемотами, он не заметил, как к берегу подплыл крокодил и, когда рептилия собралась напасть, один из бегемотов случайно наступил крокодилу на хвост: атака сорвалась, и Герман Васильевич успел убежать.

У побережья Австралии Герман учился кататься на водных лыжах и, когда в очередной раз неудачно стартовал, за ним начала охотиться акула. Его спасло то, что катер быстро развернулся, рулевой не заметил, что мужчина крепко держится за фал, и дал газу. Веревка рванула вперед, буквально вытаскивая несостоявшегося лыжника из пасти хищной рыбы.

В Египте Герман Васильевич поймал скорпиона, чтобы засушить, но по неосторожности опрокинул банку, в которой находилось насекомое, и после этого всю ночь не спал, лазил на четвереньках по номеру, пока не раздавил ядовитого членистоногого.

А еще Герман Васильевич всю жизнь чему-то обучался. И, естественно, не обходилось без происшествий. Так он увлекся фотографией и в поисках интересного кадра, путешествуя по Алтаю, забрел в лесную глушь, якобы охотясь за «снежным человеком». В итоге его три дня искали волонтеры-спасатели чуть ли не всей страны. А когда он учился кататься на горных лыжах, то не заметил, что съехал с трассы, и как с трамплина влетел в отвесный снежный склон, по которому как раз совершала восхождение группа альпинистов.

Ну что сказать: «в рубашке родился»!

Вернувшись домой, после очередного путешествия, как барон Мюнхгаузен, он рассказывал о похождениях многочисленным коллегам, друзьям и приятелям. Кто знал его давно – смеялись, а новые знакомые не верили, зачастую демонстрируя откровенный скепсис. Но это не мешало Герману Васильевичу оставаться таким же увлеченным экспериментатором.

С возрастом жена все больше переживала за мужа-непоседу и невзначай напоминала Герману Васильевичу, сколько ему лет и, что пора остепениться и подумать, раз не о себе, то хотя бы о ней. Но несмотря на просьбы второй половинки, муж и в этот раз уверенно заявил:

– Так я же на коньках не умею кататься!

После недолгих разговоров дети купили ему фирменные коньки и абонемент на каток недалеко от дома.

В первый день, надев коньки, настойчивый мужчина, держась за борт, сделал несколько кругов на катке и с размаху грохнулся на лед перед самым выходом. Окружающие кинулись ему помогать, но он, смеясь, заверил, что все в порядке, и довольный отправился в раздевалку.

Второй день: он делал самостоятельные шаги и после каждого падения с улыбкой на лице отряхивался и продолжал тренироваться. К концу дня, уставший и весь в синяках, он вернулся домой.

– В рубашке родился! – в очередной раз, вздохнув, сказала

Татьяна Михайловна.

Третий день: Герман Васильевич самостоятельно, без опоры, катался и даже общался с коллегами по льду. Упав всего один раз, воодушевленный успехами, он направился домой. В это время из магазина вышла молодая женщина и, опередив мужчину на несколько шагов, шла впереди. Герман Васильевич засмотрелся на изящную фигуру незнакомки, вспоминая молодость, и не заметил, как та уронила на тротуар банановую кожуру.

Неожиданный звонок телефона напугал Татьяну Михайловну.

– Алло, – встревоженно ответила она.

– Татьяна Михайловна? Здравствуйте! Ваш муж в травматологии с тяжелым переломом. Приезжайте. Он у вас в рубашке родился, – раздался незнакомый голос на том конце провода.

Макаренко

Алексей Александрович устроился на завод сразу после окончания технического университета. Проработав полгода и проявив себя квалифицированным специалистом и добросовестным сотрудником, он был назначен руководителем одного из производственных участков. Трудовой коллектив ему попался разношерстный, иногда приходилось искать подход к каждому, чтобы выполнить задание и избежать конфликтов.

Проведя кадровые перестановки и избавившись от разгильдяев, Алексей Александрович подобрал, как сейчас принято говорить, команду и почивал на «лаврах» успешного руководителя.

В тот день Алексея Александровича пригласили на профсоюзное собрание, где разбирали недостойное поведение Гаврилы Петровича – пьяницы и дебошира, но при этом слесаря с большой буквы «С». Гаврила Петрович проработал на предприятии не одно десятилетие, славился мастерством, норовистым характером и пристрастием к «огненной воде». Его не раз увольняли, но потом возвращали, потому что Петрович был «всему голова» – как зачастую повторяло руководство, пытаясь сгладить «острые углы» после очередного скандала.

После недолгих дебатов единогласно отдали Гаврилу Пет-

ровича на поруки Алексею Александровичу. Молодой руководитель попытался отказаться, но старшие товарищи сказали: «Надо!»

На следующее утро Алексей Александрович пришел к Гавриле Петровичу, чтобы изложить свое видение проблемы и пути решения. В конце концов, как-то договориться, чтобы не мешать друг другу.

– Уважаемый Гаврила Петрович, – начал было Алексей Александрович.

– Давай просто Петрович, – ответил подопечный.

– Меня зовут Алексей Александрович, – продолжил наставник.

– Слушай, давай просто Александрович, – выступил с очередной инициативой Петрович.

В воздухе повисло молчание.

Алексей Александрович думал, как лучше построить диалог, чтобы кратко изложить требования и не довести дело до конфликта.

– Александрыч, надо за знакомство. Так сказать, за успех нашего безнадежного дела, – прервав паузу, Петрович, как факир, достал из ниоткуда бутылочку «огонь воды» и поставил на стол два стакана. Молодой человек не ожидал такого поворота событий и попытался возразить, но бывалый слесарь знал, как убедить руководителя в своей правоте.

– Ты же взял меня на поруки? Значит, я угощаю! – с этими словами он наполнил чуть меньше половины стакана и

посмотрел на наставника таким взглядом, что Александрович понял: сейчас лучше не возражать.

Беседа как-то сразу завязалась сама собой. Петрович рассказывал, как любит свою работу, и показывал чудо-железки, сделанные своими руками. Александрович объяснял, как видит процесс перевоспитания дебошира и пьяницы в достойного члена коллектива и общества.

– А-лек-сандрыч, не переживай, – в итоге заплетающимся языком сказал Петрович.

Алексей Александрович и Гаврила Петрович выходили через проходную предприятия, держась друг за друга. Растерявшаяся охрана не решилась задерживать успешного руководителя и слесаря с большой буквы «С», чтобы не давать повода для кривотолков. «Свяжешься с ними – себе дороже выйдет», – пробурчал себе под нос дежурный и уставился в окно.

Для Алексея Александровича утро следующего дня было тяжелым. Он с трудом провел пятиминутку, завершив ее словами:

– Все в курсе задания. За работу.

Сам же собрался удалиться в кабинет, но на участке появился Гаврила Петрович. Поздоровавшись с коллегами, он заявил, что теперь на поруках у начальника и пришел для перевоспитания.

– Так кто кого перевоспитывает? – в итоге спросил бригадир. Но, не получив ответа, занялся своим делом.

– Александрыч! Оживим «покойничка»! – оптимистично сказал Петрович, заходя в кабинет вслед за неуверенно стоящим на ногах наставником.

Совершив нехитрый трюк руками, слесарь с ловкостью иллюзиониста достал из ниоткуда бутылку «огонь воды».

– Надеюсь, стаканы у тебя есть?

– Нет! Нет! Нет! – ответил начальник.

– Щас, – Петрович вышел из кабинета и через минуту вошел в компании с бригадиром.

– Ну вот. Теперь нас трое и для здоровья, и для плодотворного труда, сам Бог велел, – сказал Петрович.

– Алексей Александрович, давайте для здоровья, на вас лица нет. И пойдем работать, – поддержал бригадир.

У Алексея Александровича не было сил спорить. Через несколько минут в кабинете царила дружеская атмосфера. Рассказав друг другу по анекдоту, все разошлись по рабочим местам. В конце смены Александрович заглянул к Петровичу – поинтересоваться, как прошел день, и был очень удивлен, застав подопечного за работой. Он выполнял какое-то сложное поручение и зло буркнул, чтобы наставник не мешал и шел домой, заверив, что все будет хорошо.

С этого дня ранее одиночка Гаврила Петрович стал неформальным членом трудового коллектива участка, которым руководил Алексей Александрович. И когда он изредка не выходил на работу, то бригадир отпрашивался к Петровичу домой и буквально приносил того на рабочее место.

Алексей Александрович обзавелся дежурной бутылочкой «огненной воды» и использовал ее как мотиватор, на начальном этапе. Петрович, видя в наставнике близкого по духу человека, не хотел доставлять ему неприятности и охотно выполнял все требования. Постепенно про «огненную воду» все забыли.

Петрович изменился до неузнаваемости. Он стал вежливым, общительным и исполнительным сотрудником.

Спустя месяц на профсоюзном собрании Алексея Александровича хвалили за успехи в перевоспитании Гаврилы Петровича.

С тех пор молодого начальника участка стали называть Макаренко.

Запутанные отношения

Парк на окраине города был «Меккой» для собаководов. Сотни всевозможных питомцев всех пород и мастей ежедневно выгуливали на его аллеях своих заботливых хозяев. Одни собирались в компании на полянах и заставляли бросать им апорты, другие боролись на траве, третьи чинно бродили по асфальтированным дорожкам на поводках, обходя стороной агрессивных собратьев и забияк.

Теплый весенний день клонился к закату. По тропинке весело бежал Тобик, за ним быстрым шагом, почти бегом, шла Катя. Навстречу неспешно брела застенчивая Майя, притормаживая оттого, что Алексей, думая о гармонии в природе, рассматривал кучевые облака.

Когда люди поравнялись, ведомый инстинктом Тобик рванулся к Майе, увлекая за собой поводок, о который чуть не споткнулся Алексей. Перепуганная неожиданным вниманием Майя отскочила в сторону и, оббежав Катю, обвила поводком ее ноги.

– Держите свою собаку! – крикнул Алексей, гневно взглянув на хозяйку Тобика.

– Я сейчас упаду! – в ответ воскликнула девушка.

– Майя, стой!

– Тобик, фу!

Несмотря на возгласы, Тобик продолжал преследовать

Майю. «Ах, как же она прекрасна!» – думал пес, делая второй круг, оббегая Алексея и Катерину, не подозревая, что таким образом вплотную приблизил хозяйку к совершенно незнакомому молодому человеку. Майя, в свою очередь, ускользала от назойливого ухажера, петляя между ног хозяев. Не выпуская поводок, Алексей, незаметно для обоих, одной рукой обхватил девушку за талию, а вторая оказалась привязана к ее бедру.

Еще через мгновение молодые люди стояли, обнявшись, прочно связанные по рукам и ногам. Наконец длины поводков исчерпались, и Тобик с Майей встретились у самых ног хозяев. Пес весело махал хвостом.

– Говорил, что догоню! – шептал Тобик, обнюхивая Майю.

– А я и не убегала, – ответила она.

В сложившейся ситуации Алексей чувствовал себя неловко.

– Извините, я не успел оглянуться, как оказался привязан к вам поводками, – пытался оправдаться молодой человек.

– Ой! Я испачкала вам куртку губной помадой, – сказала Катерина, но не смогла освободить руку, чтобы попытаться оттереть красный след.

– Ничего страшного, я не женат, ревновать некому. Меня зовут Алексей.

– Катя.

– Я вас тут раньше не встречал, – сказал Алексей.

– Наверное, слишком внимательно смотрели на облака.

Парень смутился и в очередной раз посмотрел куда-то вверх.

– Так вы можете пропустить что-то очень важное в жизни, – сказала Катерина.

– Что вы имеете в виду?

Сердце молодого человека забилося необычайно быстро. Девушка посмотрела по сторонам, она чувствовала волнение Алексея и не смогла не ответить взаимностью.

Пообщавшись, собаки ловко шмыгали между ногами хозяев и через несколько минут стояли поодаль на распутавшихся и натянутых поводках.

– Гав! Гав! – по очереди позвали Тобик и Майя.

Собаки осторожно дергали поводки, напоминая о себе, но Алексей с Катериной не могли отпустить друг друга.

Прошло два года. По весенней тропинке зеленеющего парка под руку шли молодые люди, а к коляске были пристегнуты пять поводков.

Одно и то же

– Приду домой, выдохну, а руки отвисают. В плечах ноет, в спине ломит, голова гудит. Надо что-то на вечер приготовить. То ли картошку на сале, то ли помять. А может, лучше ну ее, и макароны сварить? Ой, замаялась, устала в доску. Вчера, пока пять грядок со свеклой выполола, чуть душу Богу не отдала. Жара стоит, что на Сахаре. Пот ручьем, спина зудит, ноги замлели, а делать надо. Пока корову подоишь, пока у поросей почистишь, куру зарубила, суп сварила. А мои одно и то же каждый день не едят. Им, как в ресторане, подавай все новое, свежее. Да я б лучше одна жила, чем на такую свору кухарить. Я уже на эту кухню глядеть не могу, не то чтобы там за столом сидеть. Вот как раньше было: поставят родители пятилитровую кастрюлю с капустой, не хочешь есть, значит, не голодный. А мы со своими носимся, как насадки: блинчики с утра, суп гороховый к обеду, картошку к вечеру. У всех дети как дети, жуют все подряд, а мой Пашка от лука вареного нос воротит. У нас всегда все все ели, а этот лук выкладывает по краю тарелки и морковку на стол, а меня аж псих берет. А я старалась, готовила, а он еду свиньям отдает. Ой, сейчас приду и опять как белка в колесе. Одно и то же, одно и то же. С малым уроки делать – психом стать можно. А он у меня такой несмышленный, что в уме ничего не откладывается. И в кого только такой уродил-

ся? Дважды два сложить не может, по русскому – ошибка на ошибке, запятые куда ставить не знает. Я ему: «Тута ставь», а он нет-нет да и тама закорючку свою тыкнет. По ручонкам настучу, он ревет, а меня злость берет. Вот так родишь, душу вложишь, а они от рук отбиваются. Кто в тюрьму, а кто и в бутылку заглядывает. Ой, сил моих больше нет. Постирать, погладить, полы месяц не мыла. Завтра еще на дачу эту проклятушую ползти, чтоб она сгорела к чертовой матери. Я своему вдалбливаю, чтобы дачу продал и деньги на книжку положил, скоро, глядишь, Варька заневестится, приданое заранее готовить надо, а он отмахивается. Дача от бабки по наследству досталась. Бабка у него из городских была. А родители в итоге из города в деревню переехали. Огород большой, урожайный, нет бы от развалюхи избавиться, но бабка упертая была, руки в боки и горой за эту халупу стояла. Бабки нет, а избушка на месте. Сыпется вся, гниет. Ой, такие деньги пропадают. У мужа сердце барахлит. А меньше надо было пить и курить в юности. А с кого ему пример было брать? Батька у него такой же придурь был. Всю жизнь по соседям и бабам таскался. Придет с посевной в первый день и давай обмывать Васькиного мальчика, который вчера родился, Толиковского отца, которого год назад похоронили, Гришкиного бычка, что на днях освежевают, Витькин трактор, что на той неделе починили. Напьется, баян в руки и на улицу, народ веселить частушками срамными. Мать у моего злая как собака, на всех кидается. Придет к нам с утра по-

раньше и давай о своей старшей дочери: ля-ля-ля, ля-ля-ля. Надоела. Слава богу мы в соседнее село переехали и горя не знаем. Ни родителей, ни соседок, которые постоянно в моем дворе паслись и за Федькой ухлестывали. А я молодая дура была, хиханьки да хаханьки. Одна белобрысая к нему клинья подбивала и чуть не увела, пока я со старшей по поликлиникам возилась, а другая все подкармливала. Приезжаю с девкой на руках, а в хате чисто, убрано. Я уж думала, свекровка распорядилась, а нет. Позже узнаю, что это Галька-скотница вечерами наведывается, щи-борщи ему варит да беленькую на стол ставит. Ну я ее за космы и потягала, чтоб неповадно было. Пусть себе мужика путного сыщет и так же вкусно потчует. Она ж потом оправдываться прибежала, мол, Федька на днях шибко разбился, когда крышу чинил, а мне что? Мой мужик – и все тут. Не смей трогать то, что тебе не положено. Ой, а сколько я намучилась с девкой своей, батюшки, не понос, так золотуха. То корь, то краснуха, то простудное заболевание. Что не день, то «праздник»! Лечишь, лечишь, неделя пройдет, и опять сопли по колено. Одно и то же, одно и то же. С Пашкой все ж полегче было. Пару раз с воспалением полежали, раза три отит, насморк у него постоянный, так я хоть вздохнула с облегчением. Гора с плеч. Вырос оболтус, уже в пятом классе. Учителя его хвалят за старания, а у меня сердце кровью обливается. Не дай Бог вырастет, как батька свой, что в молодости куролесил, так до старости с больным сердечком и проживет. Наследственность у них в

роду плохая. Что не сердце, то желудок. Это им нельзя, то не жарь, только парь. Тьфу, и какого лешего я за него пошла? В молодости такой славный был. Ухаживал красиво. Позовет на сеновал, звезды ночью поглядеть, прихватит с собой баян и давай частушки матерные напевать. А я лежу, на звездочки смотрю и вздыхаю. Счастливая, значит. Радуюсь, как рыба на мотыля, об свадьбе думаю. Мечтаю детками обзавестись и корову купить, чтоб молока вволю. Дровами запастись, банок накрутить да вареньица, и побольше. Ох, и охочая я до клубничного... До сих пор балуюсь: булку белую намажу, сверху жирной сметанкой сдобрю, чаю со зверобоем налью, сяду у печки, и душа радуется. В окошко уставлюсь, а стекло инеем затянулось, а я булку прикусываю, чайку глотну и узоры те разглядываю. Детки прибегут, обнимут, в щеки поцелуют, каждый о своем рассказывает наперебой, а в печке береза трещит, в трубе ветер нагульный завывает, а я прижмусь к кладке спиной, и так мне хорошо от этого делается, что аж плакать хочется...

Григорьевна так растрогалась своим рассказом, что ненароком прослезилась. Очнувшись от тяжелой тишины, нависшей в битком забитом сельпо, она оглянулась и увидела десятки изумленных глаз, уставившихся на нее из длинной очереди.

– Не буду я картошку жарить, – вслух сказала она, подойдя к продавщице Глашке. – Лучше семью выпечкой порадую.

Зубоскалые

– Мамо, подите лесом. У меня релакс, – Ангелина сидела на бритом коврике, растопырив жирные ляжки, и медитировала под звуки флейты, звучащей в ее хмельном мозгу опосля бурной вечеринки в честь ее же дня варенья.

– Корова не доена, дрова не колоты... – мамо по имени Агафья Зубоскалая возилась у печи, пытаюсь выскрести прилипшую к пылающей кирпичной стенке лепеху.

– Угу, куры не топтаны, потолки не побелены. Я шо, мужик табе, шо ли? Заведи себе пахаря, а потом и командуй, – раскинув ручки белые, по локоть шерстью обросшие, Геля прохрипела «о-омм» и прикрыла опухшие донельзя глаза.

– Да на шо ен мне? Сапоги сымать да кормить до убою? Ну уж дудки, доня. Нажилася с одним, и достаточно.

– Я бы тожа нажилася, коли б вы не совали свой крючкватый нос в мои девичьи дела. О-ом-м-м.

– Ха, девичьи. Сорок годков, а все туда же – девка, – ухмыльнулась щербатым ртом мамо, отодрав-таки подгорелый блин. – Скоро брови на глаза присядуть, а она об праздниках кудахтает. Сходила б, што ль, за водицей колодезной!

– Фи на вас, мамо неустанное! – колыхая телесами безразмерными, Геля встала на замлевших конечностях и мгновенно поймала рой вертолетный. – О-ой, худо мне. О-ой, тяжко. Пропади ты пропадом, самопал Вишневого. Надо было

более на квасок налегать.

– Ха! Квасок! С твоими габаритами лучше спирту не сыскаешь, – расхохоталась Агафья, заплевав сдобный блин с дырчатыми краями. – Собирайся в путь-дороженьку! Отправляю тебя тюки воровать да в сеновал утрамбовывать. Хай дождичка не предвидится, успеешь к полуночи работку сладить.

– Ой, мамо-о, – повиснув на косяке, что дверной зовется, Геля два раза икнула, перекинула окорока румяные через порог высокий и двинулась на полусогнутых к столу кухонному. – Дайте рассолу, а то сердце выпрыгнет и по полу покатится. Помру прям тут, пред вашими очАми.

– Такие, как ты, донюшка, любого мужика перепьют и опосля гулянок в кустах валежника заморюют. Ты б взялась за свои телеса да сбросила центнер – другой, а там глядишь, и прынц издалеча к тебе прискачет.

– Шоб издалеча меня было видать, с боками прощаться нежелательно, – подытожила доня, опуская кардан мясистый на стул древесный. – Мне б такого, шоб на руках носил да в рот заглядывал.

– Ха-ха! Руки до полу повиснут от тяжестей Гелиных, а спинка по швам разойдется. И будешь ты, донюшка, за им прибирать и доглядывать. Нынче мужик слабоват пошел. Работать не может, под мамкиной юбкой уютнее, морду крэмом мажет, ногти напильником подтачивает.

– И то верно, – мысля перепуталась в черепке распухшем. Геля покумекала с полминутки и окончательно выдала. –

А на шо он мне, оглобля дрыщеватая, ежель с моею красотою справиться невтоготу? Пущай живет на вольных хлебах, коль пудра мамкина дороже.

– Во-от, правильно кумекаешь, милая, а мы с тобой щас блинков натрескаемся, буренку я сама оприходовую, полешки расколю, а вечерком кваском побалуемся, пирог дрожжевой испеку.

– И то, мамо, с тобою слаще, – потянувшись до хруста в коленях, Геля сладко зевнула да в койку отдыхать поковыляла.

– Спи, доня, отсыпайся, пока молодость дозволяет. А завтра в город поскачем, там свадебка у сестры намечается.

– Ха! Нашла ж себе малахольного! Будет носки за им подбирать да на веревочку развешивать.

– Ума-то мамка ей не вложила. Усе внуков дожидается. А на шо они? Гоцают, как кобылы по хате, ни вздремнуть, ни отдыхнуть как следоват. Иди, Геленька, а я сама тута пошкребу-пошкребу да на печь полезу. Ой, какая радость, шо ты у меня осталАся. Все ж не в одиночестве на моем веку вечерами пироги да блинки уминать. Вовремя я тебя на свет белый народила, авось без кружки с кваском под старость глухую не остануся.

И живут по сей день Зубоскалые, над мужиками различными потешаются, а тюки до сих пор под дождичком во все стороны расползаются.

День влюбленных

Когда Ника впервые появилась в офисе, то решила, что ей с коллективом повезло. Все были очень милы, доброжелательны, торопились ввести новенькую коллегу в курс дела. Одно смущало девушку – все женщины были гораздо старше ее, поэтому взяли покровительственный тон с самого начала знакомства.

Самой зрелой была Валентина Петровна, которая называла себя сильной и независимой во всех смыслах женщиной. Ника поняла это как статус одинокой разведенной особы, что оказалось правдой. Валентина любила потусить, на корпоративах зажигала так, что впору было звать пожарный расчет или психиатрическую бригаду. Позже оказалось, что и ругаться она умела так, что дала бы фору любому пьяному грузчику, сапожнику и прочим представителям физического труда.

Другая коллега, Светлана Владимировна, отличалась спокойным поведением. Однако умела говорить гадости с милой улыбкой на устах, чем загоняла неопытную Нику в полную прострацию. Светлана редко повышала голос и обычно забивала последний гвоздь в крышку гроба того, кому коллектив решил объявить бойкот.

Третьей особой в этом доброжелательном на вид коллективе была Ольга Витальевна, успевавшая выкурить за день

целую пачку сигарет, съездить по личным делам и разнести слухи про кого-либо из сотрудников по всему офису. У нее был существенный недостаток – в связи с бурной деятельностью женщина не успевала довести свою работу до конца, из-за чего постоянно оставалась сверхурочно и требовала отгулы за переработку. Начальник отдела кадров злился, пыхтел, но ничего не мог сделать.

Остальные, подобно планктону, дрейфовали от одного стола к другому, не забывая многозначительно посматривать на объект обсуждения и время от времени нервно хихикать. Поначалу такое поведение взрослых состоявшихся женщин казалось Нике забавным, однако затем это стало ее напрягать...

Апофеоз нелепицы наступил 14 февраля, когда Ника купила большую коробку с пирожными и принесла в офис, чтобы поздравить сотрудников. Первым угощение охотно принял пожилой охранник, дядя Коля, который сердечно ответил на поздравление девушки.

– Дай Бог тебе встретить своего единственного, чтобы было с кем отмечать любой праздник, – с улыбкой сказал он Нике и ушел в свой закуток следить за камерами наблюдения. Ника отнесла пирожные в конференц-зал и отправила коллегам по корпоративной почте приглашение пройти туда за угощением.

– Не поняла, а в честь чего? – нервно поинтересовалась Светлана, изучающе рассматривая пирожные.

– Ну как? Сегодня же праздник, день всех влюбленных. Хороший день, чтобы побаловать себя пироженкой, – смущенно улыбнулась Ника.

Лицо Светланы оставалось беспристрастным до того момента, как прозвучали эти слова.

– Праздник? С каких пор и какой дурак его отмечает? – презрительно проговорила она. Однако пирожное взяла, налила себе кофе и удалилась в свой кабинет. Нике было неприятно и неловко, но тут ворвалась Ольга.

– Светка, куда делась? – хватая пирожное, осведомилась женщина.

Ника показала рукой в сторону кабинета.

– Наша рыжая конопушка опять не в настроении, – понимающе проговорила Ольга. – Ты бы хоть спросила, что ли, как у нас с такими праздниками. Мы ведь не все отмечаем, а только некоторые. Потому что не признаем как свои. Ты должна была спросить, прежде чем тащить сюда вредный пищевой мусор.

Ольга довольно рассмеялась собственной шутке. Заметив, как вытянулось лицо Ники, с милой улыбкой добавила:

– Пирожные и тортики можно приносить без повода, это мы всегда с великим удовольствием, – и подняла большой палец.

После того, как Ника вернулась на рабочее место и продолжила работу над расчетами, появилась наконец Валентина Петровна. Ее грузная комплекция и тяжелый шаг были

знакомы всем. Ника слышала, как Валентина дошла до конференц-зала, затем через минуту стремительно вернулась в общий кабинет и набросилась на Нику:

– Кто тебе разрешил таскать сюда жратву и оставлять ее на столе? Мы тараканов не успеваем травить, а она новых решила завести. Это как понимать?

Ника в полной растерянности смотрела на коллегу, которая, войдя в раж, кричала уже во весь голос.

– Почему никто не предупредил ее, что нельзя сюда приносить что попало? Кто теперь будет отвечать за этот бардак?

Ника решила возразить:

– Извините, но вы же сами недавно приносили торт в офис. Да и партнеры компании в честь юбилея отдела тоже приносили целые коробки со сладостями. Никто тогда и слова не сказал.

Петровна круто обернулась к новой сотруднице и метнула такой взгляд, что Ника приросла ногами к кафелю.

– Ты, пигалица, – надменно отчеканила женщина, – не смей мне тут вякать. Когда будет нужно твое мнение, тогда и спрошу. Если кто-то что-то и приносит, все согласовывается заранее.

Затем она скомандовала:

– Девочки, кто там свободен? Сейчас же отнесите это так называемое угощение во двор и оставьте на скамейке, пусть хотя бы бомжи или собаки разберут.

Нике показалось, что она ослышалась. Пирожные из луч-

шей кондитерской города отдать собакам? За что все это? Девушка вскочила, поспешила в конференц-зал и открыла коробку, в которой почти ничего не осталось. Следом за ней туда пожаловала Валентина, которая при виде двух аппетитных пирожных резко передумала.

– Давай сюда, – она без труда забрала коробку и переложила содержимое на свою тарелку. – Выглядит аппетитно. Молодец, что не взяла дешевку.

Ника молча отдала пирожные и побрела на свое место, забыв убрать коробку. Валя быстро вернула ее к реальности.

– Мадам, а что с коробкой делать? Ты ее решила оставить на хранение? Иди вынеси, контейнер за офисом стоит.

Расстроенная Ника выполнила распоряжение и снова села за работу. Под конец рабочего дня она собралась за горячим кофе, когда возле стойки администратора ее остановила молодая девушка, устроившаяся туда на полгода раньше Ники.

– Пошли в коридор, сейчас все заняты. Есть разговор, – шепнула Люда.

Когда Ника пришла, Люда уселась рядом с ней и с интересом посмотрела ей в лицо.

– Круто ты попала, ничего не скажешь.

– Я одного не понимаю, – чуть не плача, ответила Ника, – из-за чего столько грязи полилось? Что я им сделала?

– Проблема не в тебе, – ответила Люда, оглянувшись по сторонам. Убедившись, что в коридоре никого нет, продолжила. – Понимаешь, Валя, Света и Ольга – они все разведен-

ные. Валю муж бросил как раз на 14 февраля, когда она собиралась устроить романтический ужин. А он пришел и заявил, что уходит к другой. У Светы была похожая история. В этот день она застала бывшего благоверного с молоденькой моделью в фойе гостиницы, где проходил семинар для финансовых менеджеров. Света была приглашена как эксперт из ретейла, она тогда еще не работала здесь. Что касается Ольги, у нее на 14 февраля вечно происходит какая-то фигня. В прошлом году она перебрала с шампанским и разбила служебную машину. До этого она застала мужа за флиртом с коллегой. Потом у них что-то еще было, и Ольга подала на развод.

– А ты откуда знаешь все подробности, если сама работаешь недавно? – удивилась Ника.

– Я бы тоже ничего не знала, если бы они поменьше трепались на пьяную голову, – насмешливо ответила Люда. – Ты еще услышишь всякие истории.

Однако у Ники не было никакого желания что-либо выслушивать и примерять на себя проблемы других в личной жизни. На следующий день она подала заявление об увольнении, дав уже бывшим коллегам богатую пищу для обсуждений. Ника ушла, отработав две недели. Каждый день она чувствовала на себе любопытные взгляды сотрудников, но делала вид, что это ее не касается.

– Она сама была, как обычная крыса, – мелодичный, спокойный голос Светланы нельзя было спутать с чьим-то еще. –

Всегда молчит, не участвует в беседе. Никогда не доверяла таким.

– А мне показалось, что она просто не любительница сплетничать, – заметила Люда.

– Когда кажется, креститься надо, – заткнула всех Петровна и тяжело потопала к своему месту. Остальные последовали ее примеру и разошлись.

Через два месяца начальник отдела объявил, что на место Ники нашелся наконец новый человек.

– Прошу любить и жаловать. Это единственный мужчина в вашем отделе, маркетологи, – радостно объявил шеф.

Рядом с ним стоял высокий мужчина лет тридцати пяти, хорошо сложенный и одетый в темный костюм.

– Красавчик, – томно прошептала Ольга. – Похож на Генри Кавилла.

– Будем надеяться, что этот супермен не подкачает в работе, – прошептала Светлана, с милой улыбкой отвечая на изучающий взгляд нового сотрудника, которого звали Денисом.

Денис оказался очень общительным и обходительным, и женская половина офиса была от него в полном восторге. Он успевал и расчеты сделать, и провести консультацию для новых клиентов, и помочь с подготовкой презентации для отчетности.

Весь год женщины не могли унять свой пыл, чтобы не пообщаться с ним в конце рабочего дня или не предложить

подвезти. Денис ловко изворачивался от многозначительных предложений и сбегал к метро.

14 февраля он принес большой торт и марочное вино, при виде которого все, кто был свидетелем того случая с Никой, затаили дыхание в ожидании.

– Дамы, прошу в конференц-зал, – пригласил всех коллега. – Сегодня у меня день рождения, вот и решил отметить.

Ольга, Валя и Светлана молча переглянулись, потом с неожиданно широкими улыбками, к полному недоумению остальных сотрудников, побежали к имениннику:

– Как замечательно: и праздник, и день рождения! Поздравляем!

И каждая из них надеялась, что этот симпатичный парень предназначен только ей. Ведь сегодня особый день – день Святого Валентина.

Бревно

– Ну подними ножку. Да, вот так хорошо, – Петрович смотрел на жену с улыбкой и подбадривал ее.

– Не могу, устала, – покрасневшая Алина не имела сил держать одну и ту же позу.

– Ну вот, опять все испортила, – расстроился Петрович, опустив руки. – А так классно было, что я аж обалдел.

– Тебе классно, а у меня ноги затекли. Давай быстрее заканчивай, у меня уже настроения никакого.

– Ты сама этого хотела, дорогая, а теперь терпи. Я тоже не в восторге, но надо как-то соответствовать. Нагонять упущенное, так сказать.

– Ох, в свои пятьдесят я уже не чувствую тот былой задор, радость... – задумчиво проговорила Алина и вытянула губки, как уточка.

– Ой, дорогая, ты сейчас похожа на этих... ну тех, которые губы себе качают.

– Молоденьких красоток? – обиделась жена. – Опять за старое? Я сейчас уйду...

– Ты только не обижайся, но с такими губами выглядишь потрясно! – обрадованный Петрович слегка вспотел от волнения. – Я прям ощутил волну...

Не успел договорить, как жена занервничала:

– Так и знала, вновь бес в ребро...

– Нет-нет, ты не так меня поняла. Мы столько времени не экспериментировали, что я забыл, как это делается. А теперь мучаюсь вот, корячусь как проклятый.

– Да хватит тебе прибедняться, – хихикнула Алина. – Я же вижу, тебе тоже это нравится.

– Нравится, нравится, только я уже устал. Что-то поясницу заклинило. Давай поменяемся, а? Сначала ты меня, а потом – я.

– Нет уж. Знаю я твои проделки. Застынешь как бревно, а я потом обижусь.

– Ну что ты, милая, какое бревно? У нас же медовый месяц.

– Который по счету?

– А какая разница. Самое главное, как мы его отмечаем.

– Ох, не в том я возрасте, чтобы на коне скакать.

– Ну-у... присядь хотя бы или изобрази покорную девицу, крепостную.

– Сдурел? А если кто увидит? Позор какой.

– А что здесь такого?

– Это молодым простительно, а мы с тобой уже не в том возрасте.

– Ну ты и приду-умала-а, – протянул разочарованный Петрович. – А мы чем хуже? Почему это им везде можно, а нам нет?

– Что люди о нас подумают?

– Подумают, что мы активная пара среднего возраста. По-

завидуют, в общем.

– Я бы не стала такому завидовать. Стыдоба.

– Ничего постыдного в этом нет. Давай, садись, расставляй ноги, а я...

– Ага, если бы я была в юбке, то это не так было бы заметно, а я в брюках. Сейчас разлягусь и все увидят мои округлости.

– Увидят и позавидуют.

– Да ну тебя, Юр, было бы чему завидовать. Я такой вес набрала, что плакать хочется.

– Как говорится, мужики на кости не бросаются.

– Ой, не смейся, – усмехнулась Алина. – Ты со мной познакомился, когда я весила как мешок картошки.

– Да-а, было время, – мечтательно протянул Петрович, почесывая «ляжку» через карман джинсов. – Я тогда увидел твои стройные ноги на пляже и потерял голову.

– Ты и сейчас ее потеряешь, если не закончишь. Хватит останавливаться. У меня колени затекли, – рассердилась жена.

– А ты меня не отвлекай. Сейчас соберусь и продолжим. Ну? Давай, покажи мне тигрицу. Ну рыкни, что ли, а то ведешь себя как бревно молчаливое.

– Сам ты бревно, а я – красавица.

– Кругленькая какая. Так бы и съел, – облизнулся Петрович, тяжело сопя.

– Потом съешь, а сейчас тыкай и не отвлекайся.

– Да я тыкаю, тыкаю, только у меня палец уже занемел.

– Э-эх, старикашка. Палец у него... Дай мне, я сама все сделаю, а то тебя и до вечера не дождешься.

Петрович передал жене телефон с включенной камерой и встал у памятника Пушкину.

– Прими позу, а то стоишь как истукан. Что мы потом соседям будем показывать? Надо же похвастаться, как мы гуляли по Питеру этим летом.

Агриша

Коля приехал в деревню Ленино с Дальнего Востока по распределению от института. Устроился работать ветеринаром. Первое время было тяжело привыкать к деревенской жизни, но спасало общение с двоюродной бабушкой, которая рассказывала о себе каждый вечер вот уже несколько месяцев.

– Спасибо, что ко мне приехал, – одинокая старушка угощала родственника свежеспеченными пирожками с капустой. – Ну, как тебе у нас? – сидела напротив и смотрела, как Коля уплетает сдобу.

– Ничего, привык. Как говорит моя мама: «Человек ко всему привыкает», – запил выпечку парным молоком.

– Ну да, ну да, – вздохнула Алевтина Григорьевна, подперев рукой подбородок. – Мамка твоя права... Я тоже привыкала, когда мы от немцев бежали из Псковщины. Ой, как вспомню, – не хотелось ворошить прошлое, но из памяти не стереть то тяжелое время.

Аля родилась и выросла в Псковской области. Вышла замуж, родила сына, но насладиться спокойной семейной жизнью не успела. В 41-м деревню оккупировали немцы. Три года народ Марьино жил как на иголках: под пристальным наблюдением немецких солдат.

– У меня ж ни коровы, ни козы, а Саня слабенький ро-

дился, больной. Я его соседским молочком и отпаивала... – не успела закончить бабушка, как в хату вошла ее подруга Груня.

– Хватит сидеть, пошли в магазин. Там сегодня мармеладу завезли, – она встала на пороге, выпятив огромный живот вперед. – А Колька твой когда уезжает? Надо б проводить как полагается.

– Завтра, – с тяжелым сердцем ответила бабушка и всплакнула.

Николая отправили на ПМЖ в соседнюю деревню неподалеку, всего 30 километров. Красная горка была намного больше по площади и численности населения. Местный председатель пообещал отдельный дом и помощь в переезде, чем и соблазнил молодого специалиста.

– Ты только не обижайся, бабуль, – Коля чувствовал свою вину перед старушкой.

– Молодым везде у нас дорога. А я что? Я уже свое отжила. Зачем тебе со старухой время коротать? Тебе жениться пора.

Николай быстро обосновался на новом месте и забыл о своей родственнице. Обустроил жилье, вышел на работу и познакомился с молоденькой птичницей Ниной.

– А ты откуда к нам приехал? – прогуливаясь в компании молодого человека, Нина стеснительно задала вопрос.

– Я с Дальнего Востока, – Коля шел рядом и жевал жесткую травинку, сорванную у обочины. – Жил в Ленино почти

год, а теперь вот у вас.

– А зачем переехал? Или там не так хорошо, как в Красной горке? – девушка украдкой поглядывала на парня.

– Ну, почему же, нормально. Вот только таких красивых девиц там нет, – он положил руку на плечо Нины и сжал пальцы.

– Ты что? – Нина остановилась и скинула ладонь нахального ухажера. – Я не из таких.

– Извини, – щеки Николая вспыхнули румянцем.

– Ладно, я домой, – свернула с дороги на тропинку.

Коля отправился следом, чтобы проводить понравившуюся ему девушку.

– И не ходи за мной! – крикнула Нина, обернувшись. – Я с тобой больше встречаться не буду!

Сняла сандалии и рысью побежала к дому.

– Ну и дурак же я, – почесав затылок, Коля развернулся, чтобы пойти в другую сторону. – Взял и все испортил.

В эту ночь парень не смог сомкнуть глаз. Запала в душу кареглазая девчонка, ох, запала. Николай ворочался с боку на бок и бурчал себе под нос.

– Со мной никогда ничего подобного не было. Нина... Ниночка...

Приняв удобное положение, заснул к пяти часам утра. Утром проснулся с тяжелой головой, будто вчера отмечал что-то. Разбитое состояние души и всего организма не давали толком собраться с мыслями, одеться, позавтракать и

пойти на работу. Кое-как взяв себя в руки, Коля отправился на ферму, чтобы поговорить с Ниной и извиниться за вчерашнюю вольность.

– Это я случайно. Я не хотел, – стоял у ворот фермы, опустив голову. – Ты меня простишь?

– Уф-ф, – девушка давно простила, но не спешила говорить об этом вслух. – Не знаю, – разгребая носком калоши мелкие обломки подсушенной травы, смотрела на ухажера исподлобья.

– Я больше не прикоснусь к тебе, слышишь? Даже пальцем.

– Никогда-никогда? – Нина сдерживала улыбку.

– Только после свадьбы. Обещаю, – подняв голову, Коля заулыбался.

После долгих свиданий, вечерних разговоров по душам и влюбленных взглядов Николай сделал предложение Нине. Девушка дала свое согласие ровно через год, когда ей исполнилось восемнадцать.

– А свадьбу сыграем здесь, в нашем доме, – отец Нины строил планы на торжество. – Поставим столы во дворе, соберем гостей... – сделав паузу, прищурился и задал вопрос будущему зятю. – Твои-то приедут?

– Да, мать и отец обещались, – уплетая щавелевый суп за обе щеки, ответил Коля. – Здесь, неподалеку, живет бабушка. Надо бы и ее позвать.

– Родная? А что ж ты ее не пригласил познакомиться?

– Да не-ет, седьмая вода на киселе. Я просто жил у нее какое-то время.

– Ну так, поезжайте вместе и пригласите.

Так и сделали. Нина и Коля поехали в Ленино.

– Здравствуйте, мои дорогие, – Алевтина Григорьевна была безмерно рада гостям. – Проходите, присаживайтесь. У меня и пирог поспел, как раз к столу. Усадив гостей, Аля села на табурет у печки и начала с любопытством рассматривать молодую особу.

– Женитесь, значит, – улыбалась старушка беззубым ртом, не сводя глаз с Нины. – А родители твои согласные?

– Да, – Нина отщипывала пальцами от пирожка и отправляла мелкие кусочки в рот.

– Ну да, ну да. Девка взрослая, чего ж им несогласными быть. А кто они? Кем работают? Как звать?

– Мама работает в детском саду воспитателем, зовут Надежда Викторовна, а папа – механизатор.

– А звать-то как? – не унималась дотошная бабуля.

– Валентин Алексеевич Мельников, – отчеканила гостья, проглотив кусок пирога.

– Алексеевич Мельников... – задумчиво повторила Аля, поглядывая в окно через стол. – Как?

Неожиданно для всех старушка подпрыгнула на месте.

– Мельников? А как зовут его мамку, твою бабушку?

– Агриппина Васильевна, – растерянно протянула Нина, положив недоеденный пирожок рядом с Колей.

– Мельникова?

– Да.

– А муж у ей Алексей Степанович?

– Ну да... – Нина покраснела.

– Они из Марьино, Псковской области?

Девушка кивнула головой и добавила, что после войны бабушка и дедушка вместе с детьми переехали в Красную горку, где и остались навсегда.

– Ой! – запричитала хозяйка, встав с табурета. – Ой, дочка ты моя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.